

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Дорогая, я женюсь
на львице

Смешные детективы

Наталья Александрова

Дорогая, я женюсь на львице

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Дорогая, я женюсь на львице / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2016 — (Смешные детективы)

ISBN 978-5-699-92794-4

На что только не пойдет наша российская женщина, чтобы защитить родного мужа! Особенно когда его обвиняют в убийстве, да еще так несправедливо. Катя ради своего Валека, который, скажем прямо, совсем не Ален Делон, и в клетку со львом отправится, и Эрмитаж приступом возьмет. Да что там, ради любимого и единственного она даже готова отказаться от плюшек и похудеть на килограмм-другой! Но разве она была бы настоящей русской женой, если бы простила своему ненаглядному увлечение какой-то африканской принцессой, пусть даже принцесса в этой истории нужна только затем, чтобы запутать следствие?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92794-4

© Александрова Н. Н., 2016
© Эксмо, 2016

Наталья Николаевна Александрова

Дорогая, я женюсь на львице

© Александрова Н.Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Девочки, вы не представляете, как я волнуюсь! – воскликнула Катя и с размаху поставила на стол чашку, так что остатки кофе выплеснулись на столешницу и несколько капель попали на Ирину новую блузку.

Она переглянулась с Жанной и покачала головой. Жанна вздохнула и демонстративно отвернулась к окну.

– Ой, – в Катином голосе послышались слезы, губы ее задрожали. – Ирка, прости, пожалуйста, я не хотела. Просто в последние дни все из рук валится.

– И не только в последние дни, – тихонько проворчала Жанна и закурила.

– Есть не могу, спать не могу, – громко жаловалась Катя, – делать ничего не могу, только все время плачу.

– Да что ты плачешь-то, – не выдержала Жанна. – Радоваться нужно! Сама извелась вся без мужа, нам всю плешь проела, а теперь, когда твой ненаглядный муженек наконец возвращается из своей Африки, у нее все из рук валится! Может, ты его видеть не хочешь?

– Да ты что! – возмутилась Катерина, и от возмущения даже непролившиеся слезы мгновенно высохли на ее глазах. – Да как ты можешь? Просто я думаю, а вдруг он очень изменился и я его не узнаю? А вдруг он вернется совершенно другим человеком, не тем, кого я любила?

Она опустила глаза, горестно вздохнула и проговорила едва слышно:

– А вдруг он сам забыл меня, разлюбил в этой своей Африке? Вдруг теперь ему нравятся только негритянки?

– Ничего страшного, – усмехнулась Жанна. – Возьмешь абонемент в солярий.

– Тебе бы только смеяться! – В Катином голосе снова зазвенела обида. – А все это, между прочим, очень серьезно! Кроме того, новая соседка снизу продолжает меня доводить! Можете себе представить, сегодня притащилась с самого утра и устроила настоящий скандал! Видите ли, я грохочу у нее над головой и мешаю ее здоровому полноценному сну! Обещала вызвать участкового и составить акт по факту злостного нарушения общественного порядка.

– Ты даешь! – восхитилась Жанна. – Сама уже стала выражаться языком официальных протоколов. А что ты делала – училась танцевать африканские танцы, чтобы порадовать мужа?

– Если бы, – отмахнулась Катя, не заметив сарказма в голосе подруги. – Всего лишь передвинула на кухне табуретку, чтобы поменять батарейку в настенных часах!

– Могу себе представить, – хихикнула Жанна.

– Нет, не можешь! – Катя в возбуждении привстала. – Я из-за этой мегеры даже перестала покупать молочные продукты!

– Господи, – искренне удивилась Ирина, – а они-то при чем?

– Знаете, есть такая фирма «Хуторок в степи»? Молоко, кефир, сметана и все прочее... Так вот там на коробках старуха нарисована – просто вылитая моя соседка! Один к одному.

– Покупай какое-нибудь другое молоко, – раздраженно отозвалась Жанна. – И вообще, пора тебе наконец повзрослеть. Казалось бы, не девочка, а трясешься перед какой-то старой гримзой, не можешь ее на место поставить.

Ирина откинулась на стуле и огляделась. Катя с Жанной разговаривали на повышенных тонах, как бы остальные посетители кафе не стали возмущаться. Но нет, парочка за соседним

столиком была занята только собой, компания студентов сама шумела вовсю, прилично одетый мужчина средних лет углубился в деловые бумаги.

Подруги по-прежнему спорили. Ирина в который раз поразились, как могут дружить два таких разных человека, как Катька с Жанной. Обычно она вклинивалась между ними и гасила надвигающуюся ссору. Таким образом трем подругам удалось продержаться лет ужас сказать сколько, больше пятнадцати. Нельзя сказать, что они все эти годы были неразлучны. У каждой была своя жизнь, иногда подруги не виделись по несколько месяцев. Но в трудную минуту всегда можно было рассчитывать друг на друга. Так уж получилось, что сейчас все трое были одиноки. То есть не одиноки, тут же поправила себя Ирина, просто не замужем. Взрослые самостоятельные женщины, вполне состоявшиеся. Жанна – деловая преуспевающая дама, нотариус, давно уже зарабатывает очень приличные деньги и ни от кого не зависит. Есть у нее сын и замечательная армянская мама, которая готовит так, что пальчики оближешь, и обожает гостей. У нее, Ирины, была когда-то полноценная семья – муж и двое детей. Супруг как-то незаметно ее бросил, то есть просто уехал работать в Европу и не вернулся. История эта тянулась несколько лет, Ирина все на что-то надеялась, ради детей старалась поддерживать видимость семейной жизни. Дети выросли, и подруги наконец уговорили принять решительные меры. Вспомнив, как ужасно проходил ее развод, Ирина поежилась. Слава богу, все позади, муж уехал обратно в свою Великобританию и носа не кажет. Сын учится в Оксфорде, а Ирина с дочкой и славным кокер-спаниелем Яшей живут здесь.

И если жизнь Ирины и Жанны можно считать налаженной, то о Катьке этого сказать никак нельзя. Вечно ее лихорадит и бросает из одной крайности в другую. Несмотря на многие разочарования, Катерина сохранила веру в людей. В один прекрасный момент она вдруг огорошила подруг известием, что выходит замуж. Жанна была вне себя, пыталась воздействовать на Катьку, вспоминала ее первое неудачное замужество и еще более неудачный длинный роман, напоминала, какой мерзавец был ее первый супруг, а уж о подлеце-любовнике и говорить не хочется. Ирина помалкивала, но в душе была согласна с Жанной. Однако Катерина проявила не свойственные ей упрямство и настойчивость. При встрече Катин будущий муж Ирине понравился – приличный такой мужчина, старше ее лет на десять, но это же не главное. Образованный, профессор в университете на кафедре африканистики. Ирина решила, что Катьке просто повезло. Жанна Ириной радости не одобряла и предрекала, что их брак долго не продержится.

Странности начались месяца через четыре после свадьбы. То есть вначале ничего такого не было, просто профессор Кряквин уехал с группой студентов в запланированную экспедицию. В Африку, само собой. Честно прождав положенные три месяца, Катерина явилась в аэропорт и вместо мужа получила письмо, написанное в весьма странной манере. В письме профессор сообщал, что присоединился к кочующему племени мгвангве и вернется только через год, раньше, мол, никак не получится, потому что племя углубляется в джунгли. Тот, кто привез письмо, наскоро объяснил Кате, что профессору выпала большая удача – изучить дикое племя мгвангве изнутри. Одним словом, любовь профессора Кряквина к работе оказалась гораздо сильнее любви к молодой жене. Катерина долго расстраивалась по этому поводу, подруги утешали ее как смогли, но потом все наладилось. Поскольку больше ничего не оставалось, Катя решила мужа дожидаться, а уж при встрече высказать все, что она о нем думает. Однако через год профессор тоже не появился. Какие-то у него возникли сложности с тамошними властями, а потом с нашим посольством. Только к лету пришла наконец долгожданная телеграмма, где Кряквин сообщал день прибытия и номер рейса. Осознав, что супруг, которого она не видела почти два года, теперь уже точно возвращается, Катерина впала в самую настоящую панику. Она находилась в невменяемом состоянии, когда подруги нашли ее и попытались привести в норму. Удавалось это плохо.

– Девочки, не ссорьтесь! – возвала Ирина. – Жанка, не пили ее, она и так на взводе. А ты, Катерина, немедленно успокойся. Возьми себя в руки, а то еще, не дай бог, под машину попадешь или уронишь на себя горячий чайник. Что тогда будет?

Катя представила, как вернувшийся муж застает ее всю в бинтах и в гипсе, и замолчала.

– Вот и умница, – удовлетворенно кивнула Ирина, прочитав на лице подруги обуревавшие ее чувства. – Теперь, чтобы не переживать попусту, сосредоточься на своем внешнем виде и на хозяйственных мелочах. Человек отсутствовал полтора года, он должен по возвращении увидеть чистый уютный дом и красивую жену.

– Да уж! – скептически фыркнула Жанна, оглядев Катькину круглую фигуру и волосы, торчащие недовольным ежиком. – Уж прости, подруга, за прямоту, но красотой здесь и не пахнет.

– На себя посмотри! – огрызнулась Катерина. – Снова ты в красном костюме! Думаешь, очень красиво?

Ирина поскорее отвернулась к окну. Подругам была прекрасно известна любовь Жанны ко всему яркому, особенно к красному цвету. От природы смуглая брюнетка, Жанна обожала вызывающие наряды, а еще броские серебряные украшения, которые навешивала на себя в ужасающем количестве, хотя вполне могла позволить себе носить настоящие драгоценности. Костюм, конечно, был хорош и сидел отлично, но вот цвет... Цветом костюм напомнил Ирине революционный стяг.

«Мы поднимаем алое знамя, дети рабочих, смело за нами!» – вспомнилась пионерская песня, и Ирина закусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Чем тебе мой костюм не угодил? – Жанна так удивилась, что даже голос дрогнул.

– Да в таком костюме только быков дразнить, матадором работать! – припечатала Катерина. – И нечего критиковать мою внешность!

– Что? – завопила Жанна. – В костюме от «Боско ди Чильеджи»? Дразнить быков?

– Кто это такие? – повернулась Катька к Ирине.

– Не придуривайся, – холодно ответила та, – это очень модная и дорогая торговая фирма. Итальянская.

– Значит, это будут итальянские быки, – ответила Катерина, чтобы оставить за собой последнее слово.

Жанна, повинувшись укоризненному взгляду Ирины, решила прекратить бесполезную дискуссию.

– В парикмахерскую ее вести бесполезно, – заметила Ирина, – здесь и так все сострижено. Я завтра ее сама причешу перед встречей.

– Макияж, пожалуй, совсем не нужен, – поддержала Жанна. – Она разревется, только тушь размажет. Катька, но если ты снова наденешь свои грязно-болотные брюки, я просто не знаю, что с тобой сделаю!

– Это не ваше дело, – надулась Катя. – Валек любит меня, какая есть.

– В квартире уборку генеральную сделала? – деловито осведомилась Ирина. – А то у тебя там пылицы... Муж с непривычки расчихается.

– Да говорю же вам, что ничего не могу делать! – Катерина снова была на нервах. – Ни мебель подвинуть, ни пол помыть! Эта зловредная бабка снизу прибегает тут же и начинает скандалить, что я шумлю и ее заливаю!

– Откуда она взялась-то на твою голову? – удивились подруги. – Не было же раньше проблем с соседями. У тебя там только одна скандальная тетка, генеральша бывшая...

– Недужная? Точно! – энергично подтвердила Катя. – Но она живет наверху. Мы с ней не соприкасаемся ни полом, ни потолком. А под нами жили Мурзикины. Такая приличная была старушка Мария Николаевна. Она умерла, и ее дети квартиру продали, иначе было с наследством не разобраться. Вот теперь мучаюсь с этой новой соседкой-мегерой...

– Что, этой старушенции одной купили трехкомнатную квартиру в центре? – удивилась Жанна.

– Там какая-то странная семейка, – вздохнула Катя. – Сначала они выбросили всю старую мебель, оставшуюся от Мурзикиных. Это понятно, кому охота чужое старье в доме держать. Потом пришли рабочие, сломали стены, ободрали обои и даже пол паркетный. Вынесли плиту и всю сантехнику на помойку и ушли. А через три дня привезли эту старуху, Ирину Сергеевну, а с ней вместе старый шкаф, стол и раскладушку. Генеральша наша при том присутствовала – ей всегда до всего есть дело, так вот, она клятвенно утверждала, что мебель Мурзикиных была в гораздо лучшем состоянии. Спрашивается, для чего было менять шило на мыло? Дальше все соседи теряются в догадках, потому что ремонт никакой никто не делает, и как старуха существует в таких спартанских условиях – совершенно непонятно.

– Да уж, – согласилась Ирина, – ни плиты, ни сантехники...

– Навещает ее раз в неделю какая-то баба, нашей генеральше представилась как невестка, – продолжала Катя. – Как можно пожилого человека в таких условиях содержать, у всех в голове не укладывается. Я бы этой Ирине Сергеевне сочувствовала, если бы у нее не был такой отвратительный характер.

– Слушай, я тебя не понимаю, – перебила Жанна. – У тебя муж завтра приезжает, а ты вместо этого думаешь о какой-то посторонней старухе. Да что тебе за дело, как она живет и с кем? Может, она йог и специально спит на голом полу и ест сухие корки? Тебе-то что до этого?

– Да говорю же вам, она житья мне не дает! – вскипела Катя. – На дню по семь раз прибегает и орет! То ей шумно, то ей мокро, то ей...

– Скучно, – подсказала Ирина. – Ей скучно одной в пустой квартире, она таким образом общается.

– Тяжелый случай, – согласилась Жанна. – Ладно, мне пора. Катерину могу подбросить, мне в ту сторону.

Катка чмокнула Ирину в щеку, после чего накрасила губы сердечком, и подруги распрощались.

– Вот, – сказала Жанна, с шиком подкатывая к Катиному дому, – тебя прямо до подъезда...

Катя открыла было рот, чтобы поблагодарить, и уже высунула ноги из машины, но в это время из дверей подъезда, как черт из табакерки, выскочила высокая худая старуха в грязно-сиреневом фланелевом халате в мелкий цветочек. Седые волосы старухи были стянуты в жидкий пучок на затылке, на носу плотно сидели очки в металлической оправе. В облике дамы Жанна уловила что-то знакомое. Ах да, «Хуторок в степи». Старуха была как две капли воды похожа на ту, из рекламы молочных продуктов, только белого передника не хватало.

Катя, увидев старуху, охнула и попыталась захлопнуть дверцу автомобиля, но было поздно. Старуха подлетела к машине и вцепилась в дверцу мертвой хваткой.

– Катерина Михайловна! – заорала она визгливо. – А я вас давно поджидаю! У меня по батареям течет вода!

– Какие батареи, сейчас же лето, – ошеломленно пробормотала Катя.

– Но холодная вода течет сверху, то есть от вас! – Старуха напирала так, что автомобиль покачнулся.

– Вода всегда течет сверху вниз, это закон природы, – холодно заметила Жанна. – Вверх бьют только фонтаны.

Старуха совершенно не обратила внимания на язвительную реплику и продолжала трясти дверцу машины.

– Вы ответите за все! – орала она. – Мы начинаем ремонт...

Жанна поняла, что нужно вмешаться.

– Попрошу отойти вас от машины! – крикнула она так громко, что генеральша Недужная, пившая спокойно чай на своем шестом этаже, очнулась от задумчивости и удивленно повела головой.

Ей показалось, что она слышит голос своего покойного мужа генерала Недужного. Только он мог так гаркнуть на плацу, принимая парад.

– Вы вообще-то кто? – Жанна вышла из машины и теперь в упор рассматривала старуху.

– Я из четырнадцатой квартиры! И Катерине Михайловне об этом прекрасно известно! – ответила старуха, не понижая голоса.

– То, что вы живете в четырнадцатой квартире, не дает вам права ломать мою машину, – сказала Жанна, – или вы считаете как-то иначе?

Старуха, повинувшись ее взгляду, нехотя отпустила дверцу, и Катя тут же захлопнула ее и даже закрыла окно.

– К тому же вы вовсе не хозяйка четырнадцатой квартиры, – продолжала Жанна, – и совсем непонятно, отчего вы так беспокоитесь насчет воды в батареях, если не будете тут жить?

– Как это – я не буду тут жить? – завопила старуха.

– Ваша невестка сказала нам, что вас оформляют в дом престарелых в Войбокало, – невозмутимо сообщила Жанна.

– Это ложь! – старуха попятилась и села на скамейку возле подъезда.

Жанна схватила Катю за руку, и подруги устремились наверх.

– Жанка, а откуда ты узнала про дом престарелых? – пропыхтела наивная Катька, она, как всегда, принимала все за чистую монету.

Жанна поглядела на нее выразительно и усмехнулась.

– Врага нужно бить его же оружием!

– А где это – Войбокало? – спрашивала Катя на бегу.

– У черта на куличках! – ответила Жанна. – Оттуда своим ходом ни за что до города не добраться!

Когда она вышла через пять минут, бабы-яги в сиреновом халате у подъезда уже не было.

На следующий день Катя проснулась поздно. Такая уж была особенность у ее организма – не могла она никак рано встать. Подруги, особенно Жанна, не стеснявшаяся в выражениях, называли эту Катину особенность обычной ленью. Жанна утверждала, что лень родилась раньше Катьки и что с таким отношением к жизни Катерина никогда не добьется успеха. Катя в ответ на такие слова со страстью убеждала Жанну, что художник не может творить по заказу, а вдохновение – вещь совершенно непредсказуемая, оно может накатить хоть ночью, в любое время и в любом месте.

– Вот интересно, отчего же ни разу вдохновение не посетило тебя в девять утра? – ехидно спрашивала Жанна.

Ирина в спорах обычно участия не принимала, считала это пустым занятием.

Сегодня Катя проснулась поздно, потому что ей приснился сюжет для очередного панно. Нужно было обязательно досмотреть сон, чтобы выяснить все подробности. Катя видела во сне тропический лес. Солнце с трудом пробивалось сквозь темно-зеленые заросли. На ветках деревьев, обвитых лианами, сидели разноцветные попугаи. Внизу под ними были цветущие орхидеи. Над ними вились блестящие мухи, а орхидеи хищно раскрывали свои цветки...

Едва открыв глаза, Катя рванулась к столу, чтобы зарисовать кое-что из сна для памяти. Сейчас она сидела перед большим куском светло-зеленой ткани и напряженно думала. Ей очень хотелось пришить на этот зеленый фон кусок коричневого вельвета, оставшийся от старых летних брюк, но никак не приходило в голову, куда именно. Образ будущего панно, увиденного во сне, совсем не хотел ложиться на ткань. Катя отпила кофе из большой кружки, которую держала в левой руке, и наморщила лоб.

– Может быть, вот тут, в правом верхнем углу... – пробормотала художница, как вдруг рядом с ней оглушительно зазвонил телефон.

Катерина вздрогнула и выронила кружку. Кофе разлился по полу, коричневым озерцом окружив ножку стола. Кружка, к счастью, не разбилась. Катя схватила трубку и раздраженно выпалила:

– Ну кто еще?

– Это я, – удивленно проговорила Ирина. – Ты что, спала?

– Какое там! – выдохнула Катя, постепенно успокаиваясь. – Я творила! Я находилась в творческом поиске! И ты своим неожиданным звонком меня оттуда грубо вытащила!

– А ты там в своем поиске не забыла, что к тебе сегодня муж возвращается? Что пора ехать в аэропорт?

– Как? – Катерина подскочила и завертелась в поисках часов. – А сколько времени? Еще ведь утро!

– Какое утро! Ты на часы что, никогда не смотришь? Уже второй час дня!

– Как второй час? Не может быть! – Катя наконец нашла часы, заваленные грудой разноцветных лоскутков, и уставилась на них в полной растерянности. – Ой, и правда! А я, ты знаешь, совершенно отключилась... Когда я творю, я забываю совершенно обо всем... Впрочем, тебе этого не понять...

– Ну да, конечно, – в голосе Ирины прозвучала нотка обиды. – Это только ты у нас творец, а я занимаюсь коммерческими поделками! Не писатель я, а ремесленник! Ладно, творец, бросай свои лоскутки и собирайся! Кстати, ты уже придумала, в чем ехать?

– В чем ехать? А разве это так важно?

– Катюшка, я на тебя не устаю поражаться! Супруг не видел тебя полтора года, ты сама только вчера волновалась, не забыл ли он тебя в своей Африке, не разлюбил ли – а теперь считаешь, что совершенно все равно, в чем его встречать! Нет, ты совершенно невыносима!

– Ну, я не знаю... – Катя повернулась и взглянула в сторону платяного шкафа. – Может быть, то зелененькое платье?

– Что? Тот отвратительный бесформенный балахон цвета гниющих водорослей, в котором ты ходила на вернисаж Бананова? Только через мой труп!

– Да? А мне показалось, я в этом платье имела успех!

– Ага! Все показывали на тебя пальцем и хихикали! Тебе в этом платье смело можно в вагонах милостыню собирать, вот здесь успех будет гарантирован! – выпалив эту тираду, Ирина усовестилась, пожалела подругу и примирительным тоном произнесла:

– У тебя ведь есть вполне приличный серый брючный костюм. Почему ты его не носишь? Сейчас, по-моему, он вполне подошел бы...

– Серый костюм? – Катя замялась. – Но вообще-то он сел... Потом, сейчас лето, хочется надеть что-нибудь поярче, поживее...

– Серый костюм сел? – переспросила Ирина. – Такие вещи не садятся! Ты что – вытолстилась из него?

– Ничего не вытолстилась! – обиженно пропыхтела Катерина. – Я только вчера взвешивалась и, между прочим, нисколько не прибавила! Ну, позавчера!

– Ну да, я видела, как ты подкручиваешь весы перед каждым взвешиванием! Ну ладно, сейчас некогда обсуждать твою фигуру, быстро соображай, что надеть, и собирайся!

– Тогда, может быть, оранжевые брюки и блузку в тюльпанах?

– Боже мой, ты кто – женщина или пожарная машина? Или дорожный знак: «Осторожно, впереди опасность»? Потом, эта твоя блузка... Она больше напоминает чехол для транспортного самолета!

– Ну вот, никак тебе не угодить!

– Ты не мне должна угодить! – строго оборвала ее подруга. – Ты должна понравиться своему блудному попугаю... Тьфу, мужу!

– Ага, – поймала ее Катя на слове. – А Валеку эта блузка в тюльпанах как раз очень нравилась!

– Ну, надевай, что хочешь, только скорее! Я тебя через час жду на выходе метро «Московская», там, где останавливаются маршрутки в аэропорт!

Не успела Катерина повесить трубку, как в дверь ее квартиры требовательно зазвонили.

С тяжелым вздохом открыв дверь, она увидела тощую старуху в железных очках и поношенном фланелевом халате, усыпанном мелкими сиреневыми цветочками.

– Ирина Сергеевна... – безнадежным тоном протянула Катерина. – Ну что у вас опять случилось?

Тетка встала в третью позицию, разинула рот и завопила:

– У меня случилось? Это у вас случилось и скоро еще случится! Я немедленно вызову полицию по факту злостного хулиганства с отягчающими обстоятельствами! Вас привлекут! Вас посадят! Вас изолируют от общества! Таким, как вы, не место среди приличных людей!

– Да в чем наконец дело? – попыталась Катя вклиниться в этот гневный обвинительный монолог. – Мне что, уже и по телефону нельзя поговорить? Или можно, но только шепотом?

– При чем здесь телефон! Вы меня опять затопили! Вы регулярно заливаете мою квартиру, а у меня там, между прочим, хранятся большие культурно-исторические ценности!

– Ну да, – пробормотала Катя себе под нос, – полная подборка журнала «Агитатор – пропагандист» за все годы издания, самое милое дело вместо туалетной бумаги, по формату очень подходит!

– Нет! – гордо воскликнула соседка. – Я сохраняю бесценную переписку моего покойного мужа, крупнейшего специалиста по уставам!

– По каким суствам? – изумленно переспросила Катерина.

– Не по суствам, а по уставам! Мой муж был самым известным специалистом в этой области, автором последней редакции Устава строевой и караульной службы! Сам маршал Голобосой оценил его вклад в военную науку! И вы своим злостным хулиганством наносите непоправимый вред этому бесценному наследию! Да, какое вам дело до отечественной военной науки! Вы небось ни одного устава и в руках не держали!

– Действительно! – честно призналась Катя.

– Вы вообще ничего не читаете!

– Ну отчего же, – обиделась Катя, – кое-что читаю...

– Конечно! Вы из тех, кто предпочитает дешевое бульварное чтиво, всякие детективы...

– Да, например, «Преступление и наказание»...

– По одному этому названию становится ясно, что это – вульгарный криминальный роман!

– Ага, и глядя на вас, я просто чувствую себя Раскольниковым... уже топор в хозяйственном магазине присматриваю!

Произнеся эти слова, Катя заметила за спиной соседки какое-то едва уловимое движение. По лестнице, крадучись, спускалась со своего шестого этажа генеральша Недужная. Генеральша направлялась в магазин и, распознав разгорающийся скандал, задержалась, чтобы послушать. Глаза ее сверкали от удовольствия.

– Короче, что там на вас протекло? – осведомилась Катя, попятившись, чтобы удалиться из прихожей, подальше от глаз любопытной генеральши. – У меня в квартире совершенно сухо!

– Сухо? – взвизгнула Ирина Сергеевна, стремительно влетев в Катину комнату. – А это что? – Она указала желтым, скрюченным артритом пальцем на кофейную лужу под столом.

– Вы что – хотите сказать, что содержимое чашки кофе протекло к вам в квартиру и заливают ваши драгоценные уставы?

– Можете зайти ко мне и удостовериться! – грозно заявила соседка. – И имейте в виду – я непременно буду составлять акт по поводу этого злостного вандализма! С отягчающими последствиями и особым цинизмом! Так что извольте немедленно явиться и ознакомиться с последствиями своего хулиганского поведения!

Выпалив это угрожающее заявление, разъяренная соседка вылетела из Катиной квартиры, как ведьма на помеле вылетает в дымовую трубу. Катерина проводила ее неприязненным взглядом и заметила красные, натертые неудобной обувью пятки Ирины Сергеевны, торчащие из стоптанных тапок. Она перевела дыхание, бросила взгляд на часы, охнула и бросилась к платяному шкафу. Выбирать подходящий к случаю наряд не было уже ни времени, ни настроения. Под руку попала обруганная Ириной шелковая блуза с тюльпанами. Катя вздохнула и решила, что это судьба. Однако оранжевые брюки все же решила не надевать, выкопала из-под вороха вещей серые, от костюма. Они давно уже не сходились в талии, но Катя заколола застегивающуюся молнию английской булавкой и решила, что и так сойдет, блуза все прикроет. Кое-как застегнув пуговицы на блузке, она выскочила на лестницу.

Проходя мимо нижней квартиры и увидев полуоткрытую дверь, Катя снова тяжело вздохнула.

«Сидит там и дожидается, когда я приду посмотреть на ее драгоценную протечку, – с ненавистью подумала она, – с другой стороны, ей ведь больше совсем нечем заняться... А так – хоть какое-то общение...»

Катерина была человеком чрезвычайно отходчивым и готова была проникнуться жалостью и пониманием к кому угодно. Наверное, она могла бы пожалеть даже людоеда, собирающегося приготовить из нее котлеты – ну, просто очень проголодался человек! Может быть, она даже посоветовала бы ему, где взять чеснок и черный перец, чтобы котлеты получились вкуснее. Хотя последнее трудно представить, потому что Катя при всей своей любви к еде совершенно не умела готовить, а также не выносила запаха чеснока.

Толкнув приоткрытую дверь, Катя вошла в полутемную прихожую и окликнула соседку: – Ирина Сергеевна, ну где тут у вас протекло?

Не услышав ответа, она медленно двинулась вперед. На душе у нее было как-то неспокойно, больше того – непонятный страх заставил зашевелиться волосы на ее голове и пропущил по позвоночнику целую армию ледяных мурашек.

В квартире царила странная, напряженная тишина.

Катя сделала еще один шаг и невольно опустила глаза.

Тут же увидела в углу прихожей, под вешалкой, какую-то бесформенную сиренево-красную грудку. Катерина попятилась и зажала ладонью рот, чтобы не закричать.

И немудрено. На полу лежала ее соседка Ирина Сергеевна, только что скандалившая в Катиной квартире. Она лежала в неудобной, неестественной позе, некрасиво подогнув тощую ревматическую ногу. Ее выцветший, заношенный халат в мелких сиреневых цветочках покрывали яркие багровые пятна. Катя, как прирожденный художник, оценила живописную выразительность этих пятен прежде, чем поняла, что это – кровь.

Гораздо больше крови было на седых, туго стянутых в узел волосах соседки, и на полу вокруг ее головы. Рядом с мертвой старухой валялись ее очки в металлической оправе.

– Ирина Сергеевна! – шепотом проговорила Катя и еще попятилась.

Потом она взяла себя в руки и немного приблизилась к старухе – вдруг она еще жива, и ей можно чем-нибудь помочь?

Но, увидев открытые блекло-голубые глаза соседки, затянутые мутной пеленой, Катя поняла, что помочь ей нельзя уже ничем.

Тут ее охватила паника.

Она только что разговаривала с Ириной Сергеевной! С того времени не прошло и нескольких минут! Значит, за эти минуты кто-то успел ее убить, и этот кто-то, скорее всего, еще здесь, в квартире! И он сейчас убьет саму Катю, как свидетельницу своего преступления!

Катерина стремглав вылетела из страшной квартиры, не помня себя, скатилась по лестнице и оказалась на улице.

Вокруг был жаркий летний день, спешили по своим делам нарядные, оживленные люди, а Катю бил озноб, она мчалась, не разбирая дороги, и опомнилась только на эскалаторе метро. Тут она вспомнила, что собиралась встречать мужа, что ее ждет Ирина – и поехала в сторону аэропорта.

Профессор Кряквин толкнул дверь и вошел в собственный подъезд.

Он не был здесь уже очень давно и чувствовал себя чрезвычайно неуютно. Долгие месяцы, проведенные на бескрайних просторах Африки, среди ее диких саванн и непроходимых джунглей, сделали его совершенно другим человеком. Тесное пространство дома, четыре каменные стены пугали его. Звуки, доносившиеся из соседских квартир, казались непривычными и внушали безотчетный страх. То ли дело – ночные шорохи африканского леса, такие привычные и знакомые! Отдаленное рычание охотящегося льва, треск сучьев под ногами продирающегося сквозь джунгли носорога, хохот гиены – что может быть приятнее для человеческого слуха! Под эти звуки профессор каждый день спокойно засыпал возле костра своих африканских друзей, кочевников племени мгвангве!

Валентин Петрович не мог заставить себя воспользоваться лифтом, его тесная кабина внушала ему настоящий ужас, поэтому он, крадучись, поднимался по лестнице, чувствуя себя так, как будто находился на территории враждебного племени, где на каждом шагу может подстергать стрела из самострела или удар боевого копья. К его естественному страху кочевника перед непривычными городскими условиями примешивалось неприятное чувство, связанное с тем, что приходилось скрывать нечто важное от Кати...

Профессор горячо любил свою жену, он с нетерпением ждал встречи с ней, всю дорогу считал минуты, оставшиеся до этой встречи, – но в то же время боялся взглянуть ей в глаза, боялся, что не сможет молчать и откроется его страшная тайна... Он не хотел даже думать о том, как Катя воспримет это известие. Нет, она ни в коем случае не должна об этом узнать!

Кряквин перевел дыхание и переложил тяжелый чемодан в левую руку, взяв в правую ритуальный топор мгвангве, прощальный подарок верховного вождя племени. Он поравнялся с квартирой Мурзикиных, расположенной прямо под его собственной.

Дверь квартиры была открыта.

Это несколько обеспокоило профессора – он помнил, что здесь, в городе, принято запираť свое жилище. Но еще одно чувство шевельнулось в его груди: профессор боялся встречи с женой, боялся необходимости взглянуть ей в глаза и всеми силами старался оттянуть эту встречу...

Под влиянием этих сложных чувств он заглянул в полуоткрытую квартиру и громко позвал:

– Мария Николаевна! Вы дома?

На его крик никто не отозвался, и это еще больше насторожило Валентина Петровича. Если Мурзикиных нет дома, то почему их квартира не заперта? Может быть, соседей съел лев? Или на них напали дикие кочевники, для которых нет ничего святого, которые не поклоняются Великим богам Западных болот и запросто могут расправиться с безобидными стариками?

Профессор напомнил себе, что он в городе, где не водятся львы и не кочуют дикари, но тем не менее беспокойство его не оставило.

– Мария Николаевна! – повторил он и вошел в квартиру соседей.

Неподалеку от него, под вешалкой, лежало нечто бесформенное, нечто сиреневое в мелкий цветочек. Приглядевшись, Валентин Петрович понял, это – немолодая женщина в вылинявшем домашнем халате.

Это была не Мария Николаевна Мурзикина, а какая-то совершенно незнакомая женщина.

И эта женщина была мертва.

Этот факт не вызывал у профессора сомнений. Он видел, как выглядит мертвый человек. В прошлом году племянника вождя Мбогати убил леопард, так вот у молодого человека был такой же ужасный вид, и вокруг него расплывалось такое же темно-красное пятно... Правда, Мбогати лежал на голой земле, которая быстро впитала кровь, а эта женщина упала на голубой вытертый линолеум, и кровавая лужа вокруг нее выглядела куда неприятнее...

Профессор выронил чемодан и бросился к пострадавшей. Может быть, ей еще можно помочь? Может быть, она еще дышит? Может быть, божественная сущность Мумбарумба еще не покинула брэнную телесную оболочку? Может быть, удастся быстро найти опытного шамана и произвести ритуальную церемонию, сплясать священный танец, который спасет жизнь незнакомки?

Он склонился над лежащей женщиной, положил ритуальный топор и взял в руку ее запястье. Пульса не было, незнакомка не дышала. Ее голова была разбита чем-то тяжелым, и темная кровь пропитала седые, туго стянутые в узел волосы. Почему-то особенно трагично выглядели валявшиеся рядом, измазанные кровью старомодные очки погибшей.

Профессор тяжело вздохнул, он понял: уже поздно бороться за ее жизнь, что божественная сущность Мумбарумба отлетела и сейчас находится далеко отсюда, в первом треугольнике загробного мира... Единственное, что он мог сделать для несчастной жертвы – это спеть для нее священную песню улюлюли, чтобы сделать путь в Поля Вечной Охоты более легким и приятным.

Профессор набрал полную грудь воздуха и затянул первые такты священной песни.

И вдруг за его спиной раздался оглушительный крик.

Профессор инстинктивно схватил самое дорогое – ритуальный топор мгвангве и оглянулся.

Генеральша Недужная, возвращаясь из магазина, нажала на кнопку лифта и тяжело вздохнула. Лифт не работал. Обычная история! Надо будет непременно написать жалобу на скверную работу домового хозяйства! Берут такие большие деньги за квартиру, а все работает из рук вон плохо! Теперь вот придется пешком подниматься к себе на шестой этаж.

Преодолев несколько лестничных пролетов, генеральша Недужная добралась до четвертого этажа и остановилась немного передохнуть. Она поставила тяжелую сумку на облицованный плиткой пол и распрямилась. Оглядевшись, генеральша отметила очередной беспорядок. Дверь четырнадцатой квартиры была полуоткрыта. Таким легкомысленным поведением жильцы сами провоцируют квартирные кражи и прочие безобразия!

Недужная решительно шагнула к открытой двери и заглянула в квартиру, чтобы поставить на вид ее обитателям необдуманное поведение...

Но неодобрительные слова, готовые сорваться с ее уст, так и не были произнесены. Генеральша увидела такое страшное зрелище, что полностью утратила дар речи.

На полу, под вешалкой, лежало мертвое окровавленное тело новой соседки, не так давно поселившейся в квартире Мурзикиных. И над этим безжизненным телом склонился такой ужасный человек, страшнее которого мадам Недужной не приходилось встречать в своей богатой событиями жизни, а ведь ей приходилось встречать много страшных людей, она видела даже знаменитого маршала Голобосого, которого боялась собственная теща...

Этот человек был худ и черен, как будто его долго коптили на вращающемся вертеле, вроде тех, на которых в соседнем гастрономе готовят куриц-гриль. Он был облачен в какие-то жуткие пестрые лохмотья. Его руки были покрыты запекшейся кровью жертвы, а в правой руке этот страшный черный человек сжимал орудие убийства – огромный топор, украшенный для пущего устрашения разноцветными перьями невиданных птиц и зубами неизвестных науке животных. И конечно же, топор тоже был покрыт кровью жертвы.

И в довершение всех этих ужасов этот черный убийца завывал совершенно нечеловеческим голосом.

Генеральша Недужная испустила нечленораздельный крик, который наконец перешел в единственное разборчивое слово:

– Убийца!

Убийца поднялся на ноги и двинулся по направлению к генеральше. Он оказался не очень высок ростом, и в его внешности мелькнуло что-то смутно знакомое. Он, кажется, пытался что-то сказать и шел навстречу свидетельнице своего преступления – явно намереваясь так же зверски расправиться и с ней...

Генеральша, естественно, не стала этого дожидаться. Она вылетела из страшной квартиры, пожертвовав сумкой с продуктами, взлетела на свой этаж, торопливо захлопнула за собой железную дверь и дрожащей рукой набрала телефон полиции.

– Убийство! – закричала она в трубку, едва дождавшись ответа.

Выслушали ее очень недоверчиво, однако наряд выслали.

Через полчаса в ее дверь позвонили.

Разглядев через глазок раскрытое полицейское удостоверение, генеральша Недужная открыла дверь и увидела двух полицейских, которые держали закованного в наручники загорелого до черноты невысокого человека.

– Этот? – коротко спросил один из полицейских, подтолкнув смуглого человека ближе к растерянной генеральше.

– Этот, этот! – закивала Недужная, хотя теперь злодей не казался ей таким страшным. Он выглядел довольно жалко и удивительно напоминал соседа по подъезду, тихого ученого Валентина Петровича Кряквина. То есть если бы профессора долго дубить на солнце, потом обрядить в пестрые лохмотья и украсить волосы перьями, то просматривалось бы отдаленное сходство с этим человеком... Отбросив эту нелепую мысль, генеральша для верности ткнула пальцем в скованного злоумышленника и суровым голосом повторила:

– Он, негодяй! Он, убийца! Я его прямо над трупом застала! Наверняка маньяк, весь в крови, да еще и завывал так страшно! Он и меня зарубить хотел, еле я от него убежала!

– Очень хорошо! – удовлетворенно произнес полицейский, потирая руки. – Подозреваемый, значит, налицо, и свидетель имеется! Так мы вас в ближайшее время повесточкой вызовем!

Ирина металась возле выхода из метро и то и дело бросала раздраженные взгляды то на часы, то на выходящих из метро людей. Увидев Катерину, она бросилась ей навстречу и проговорила:

– Ну ты даешь! Мы же опоздаем к самолету и разминемся с твоим Валеком! Твой муж, между прочим! Хоть куда-то ты можешь успеть вовремя?

– Я не виновата! – ответила Катя, и на ее глазах появились слезы. – Тут такое, такое... ты не поверишь... Моя соседка, Ирина Сергеевна... Ну, та, про которую я тебе рассказывала...

– Ладно, потом расскажешь про свою соседку, – отмахнулась Ирина. – В конце концов, ты должна правильно себя поставить... Нельзя позволять каждой вздорной старухе садиться себе на шею!

– Это уже не актуально... – едва слышно ответила Катя.

– Хамство и достойный ответ на него всегда актуальны, – строго ответила Ирина. – Но сейчас нам не до того... Забудь ты о своей соседке хоть на час! Нам надо успеть встретить твоего мужа!

– Да, конечно, – тяжело вздохнула Катерина и замахала руками. Возле нее тут же остановились побитые с одного бока «Жигули».

– В «Пулково-два»! – воскликнула Катя и плюхнулась на переднее сиденье.

– В шесть секунд! – радостно отозвался водитель, хитроватый мужичок средних лет с синяком под правым глазом.

– Может, мы лучше на маршрутке? – протянула Ирина, с сомнением оглядывая машину и ее водителя.

– Сама говоришь – опаздываем! – прикрикнула на подругу Катя. – Когда еще эта маршрутка приедет...

Ирина пожала плечами и села сзади.

Водитель лихо заломил кепку и нажал на газ. Внутри автомобиля что-то громко застучало, но с места он, несмотря на это, тронулся. Водитель крутанул руль и свернул на боковую улицу.

– Эй, вы куда! – воскликнула Ирина. – Нам же в «Пулково», прямо по Московскому проспекту!

– Дамочка, попрошу меня не учить! – покосился на нее водитель. – Я же вас не учу щи варить! На Московском сейчас офигительные пробки, два часа простои, а тут мы живенько проедем!

– Однако! – возмутилась Ирина. Она хотела достойно ответить на хамство водителя, но внутри машины опять что-то загремело, и ее достойный ответ все равно не был бы услышан.

Водитель снова развернул руль, выехал на параллельную проспекту улицу, резко нажал на тормоза. Вся улица была плотно забита машинами.

– Вот черт! – проговорил мужчина, сдвинув кепку на затылок и почесав лоб. – Первый раз здесь пробку вижу! Ну ничего, дамочки, успеете вы на свой самолет! Туточки можно аккуратненько срезать!

Он сдал назад, снова крутанул руль и въехал на тротуар. Оглядевшись по сторонам, свернул во двор и поехал по дорожке среди кустов и скамеек с дремлющими пенсионерами.

– Совсем обнаглели! – крикнула вслед «Жигулям» какая-то всполошившаяся старушонка. – Ни стыда, ни совести! Скоро по живым людям поедут! Чтоб у тебя карбюратор отсох!

– Вот ведь ведьма! – проворчал водитель. – Скажет же такое! И главное, слова-то какие знает! Карбюратор! Чтоб у тебя самой глушитель отвалился!

Он свернул к воротам, и вдруг его автомобиль закашлял и остановился.

– У, ведьма старая! – взвыл мужчина, выскакивая наружу. – Сглазила-таки!

Он забежал вперед и открыл капот «Жигулей».

– И что теперь? – холодно поинтересовалась Ирина. – На маршрутке мы бы уже давно доехали!

– Ну кто же знал... – жалобно протянула Катя. – Давай, я пока расскажу тебе про свою соседку! Это такой ужас!

– Не волнуйтесь, дамочки! – донесся из-под капота жизнерадостный голос водителя. – Тут дело плевое, минута – и все будет в порядке!

– Нечего разезжать, где не положено! – прокричала со своей скамейки довольная старуха. – Говорила я тебе, что отсохнет карбюратор!

– Заткнись, ведьма! – приглушенным голосом отозвался шофер. – А то сейчас схлопочешь трамблером между глаз!

– Не посмеешь при свидетелях! – не сдавалась бабка.

– Ну вот и все! – Водитель вынырнул из-под капота, захлопнул его и впрыгнул на свое место, проворчав напоследок:

– Скажи спасибо, ведьма, что я спешу, а то разобрался бы с тобой по-своему!

Он снова включил зажигание и выехал со двора. Однако радость его была недолгой. Прямо при выезде его поджидал коренастый гибэдэдэшник с полосатым жезлом в руке.

– А ну-ка, быстренько остановимся! – ехидно проговорил вредный гибэдэдэшник. – Мы что – плохо видим? Для нас дорожные знаки ничего не означают? Мы не знаем, что такое «кирпич»?

– Сержант... – начал водитель, снова безнадежным жестом сдвинув кепку на затылок. – Тут такое дело...

– Ты, как хочешь, – раздраженно прошипела Ирина, – а мне это надоело! Я немедленно выхожу из этой чертовой машины, возвращаюсь на Московский проспект и ловлю маршрутку!

– Я с тобой! – жалобно пискнула Катя, с трудом выбираясь из салона «Жигулей». – Я с тобой!

– Дамочки, вы куда же? – безнадежно воскликнул водитель, глядя им вслед. – А платить кто же будет?

– Тебе еще и платить? – огрызнулась Ирина, набирая скорость.

В результате всех этих приключений, когда подруги наконец-то добрались до аэропорта, они выяснили, что самолет, на котором должен был прилететь профессор Кряквин, приземлился уже больше двух часов назад. Последние пассажиры ловили такси, но Валентина Петровича среди них не было.

– Только, пожалуйста, ничего мне не говори! – произнесла Катя, чуть не плача. – Я ведь тебя знаю, сейчас начнешь меня воспитывать, заведешь свою обычную песню: «Я тебя преудреждала...»

– Да ничего я не собираюсь говорить! – отмахнулась Ирина. – Поехали обратно, встретишь своего Валека дома!

– Дома... – как эхо, повторила Катя, нахмутив лоб. – Там такой ужас... ты не представляешь... моя соседка, Ирина Сергеевна...

– Ну вот, опять! – Ирина перекосилась, как будто съела целый лимон. – Ты взрослый, серьезный человек, а ведешь себя, как ребенок! Позволяешь какой-то старухе так помыкать собой... В конце концов, поговори с ней серьезно!

– Это невозможно, – вздохнула Катя.

– Нет ничего невозможного! – оборвала ее подруга. – Для каждого человека можно найти какие-то убедительные доводы!

– Только для живого, – вполголоса ответила Катя.

– Что ты хочешь этим сказать? – Ирина повернулась к подруге. – Твоя соседка умерла? Катя молча кивнула.

– Ну, конечно, это печальное событие, но почему ты так близко приняла это к сердцу? Вроде бы вы с ней не дружили... и это еще мягко сказано...

– Она не просто умерла! – страшным шепотом сообщила Катя, предварительно оглядевшись по сторонам.

– Не просто? Что значит – не просто умерла? – удивленно переспросила Ирина.

Катя снова огляделась, округлила глаза и прошептала:

– Ее убили! Она поднялась ко мне, когда мы с тобой по телефону разговаривали, в своих ужасных сиреневых цветочках, и снова принялась скандалить, что я на нее протекаю... а я всего лишь разлила чашку кофе... Потом я к ней спустилась, чтобы посмотреть, а она – того!

– Ничего не понимаю! – Ирина затрясла головой, как будто хотела вытрясти из ушей воду. – Какая чашка кофе? Что случилось с твоей соседкой? Когда это случилось? Когда мы с тобой... по телефону?

– Ну да! – подтвердила Катя, неожиданно успокоившись. – Мы разговаривали, а она при-
тащилась... а когда я спустилась к ней – она уже лежала на полу, вся в крови и совершенно мертвая!

– Катька, у тебя бред! – твердо сказала Ирина. – У тебя от одиночества нервы расшатались, вот и мерещится всякая дрянь со страху. Хотя чего бояться-то? Чушь какая! Думать меньше нужно о всяких вздорных старухах, тогда и мерещиться ничего не будет.

– Я не могу, я глаза закрою, а она стоит, вернее, лежит у меня перед глазами, – пожаловалась Катя.

– Из-за тебя мы профессора упустили! – упрекнула Ирина. – Человек не был дома больше полутора лет, рассчитывал на встречу с поцелуями и цветами, а вместо этого его вообще никто не встретил! Что он о тебе подумает?

– Ужас какой! – Катя расстроилась. – Просто кошмар! Бедный Валек! Что теперь делать?

– Домой скорее ехать, у супруга прощения просить!

Катерина тут же рванулась к стоянке такси.

– Ты что – с ума сошла? – зашипела Ирина, схватив ее за рукав. – Да здесь, возле аэро-
порта, с тебя как минимум триста баксов за такси сдерут! А ехать-то до города – всего ничего!

В это время совсем рядом с ними остановилась весьма потрепанная «девятка» – кто-то привез пассажиров из города. Водитель, крупный круглолицый мужчина, вышел вразвалочку из машины и открыл багажник. Тотчас с переднего сиденья выкатилась бойкая невысокая тетка в мелких кудряшках и открыла заднюю дверцу. Ирина отвела глаза и потянула Катю к остановке автобуса, пообещав, что доедут они на нем только до города, а там уже возьмут машину. Катька утверждала, что она хочет домой как можно скорее, и никак не втолковать было ей, что из-за пробок как раз быстрее будет на метро.

Из автомобиля выгружали толстую старуху с палкой. Тетка в кудряшках чмокнула водителя в щеку, подхватила необъятных размеров чемодан и понеслась в здание аэропорта. Сзади спешила старуха, стуча палкой. Водитель проводил их равнодушным взглядом и закурил.

«Не мог уж до места чемодан донести, – с необъяснимой неприязнью подумала Ирина, – ведь, судя по поцелую, не чужих людей привез...»

Она тут же напомнила себе, что это не ее дело, но тут водитель оглянулся, лицо его просветлело, и он заорал на всю площадь:

– Ирка! Вот это встреча!

По голосу Ирина тотчас узнала своего бывшего одноклассника Сашку Березкина. Да и внешне он не слишком изменился – то же круглое румяное лицо, только малость потолстел, да волосы слегка поредели. Сашка уже подошел к ним с Катей и кинулся обниматься. Ирина вежливо освободилась и улыбнулась:

– Здравствуй, Саша! Рада тебя видеть. Ты как здесь?

– Да вот, сестра попросила подругу свою в аэропорт подбросить! – орал он. – А я еще ехать не хотел, а тут такая встреча! Ну, ты какая стала – не узнать просто! А в школе-то такая девчонка была с косичками, замухрышка, в общем...

Ирина нахмурилась. Никогда она не была в школе замухрышкой, рано выросла и сформировалась, в седьмом классе уже на нее пацаны заглядывались. И вовсе не косички у нее были, а косы, да такие толстые, что мальчишки на переменах даже и не дергали. Правда, в старших классах косы она остригла, и мама до сих пор ей этого простить не может. А Ирине короткая стрижка шла еще больше, тут уж от поклонников просто отбою не было. Другое дело, что Ирина была девочка серьезная, круглая отличница и редко посещала школьные вечеринки и шумные компании. Так что Сашка, наверное, ее с кем-то перепутал.

Сашка сообразил, что ляпнул что-то не то, и обратил внимание на Катю.

– Будем знакомы, Александр! Вас подвезти, девочки?

– Да мы вообще-то... – замялась Ирина, но Катька уже обрадованно устремила к «девятке».

– Слушай, Иришка, – разглагольствовал Сашка за рулем, – да мы, наверное, лет двадцать не виделись!

Ирина вспомнила, что Сашка в школе был сероват, ей было с ним скучно, и согласилась, что да, не виделись лет двадцать.

– А вы, Саша, водителем работаете? – спросила Катя, пытаясь узнать, нужно ли им будет платить ему деньги.

– Да вы что? – обиделся он. – Я в серьезной фирме работаю! Это сестра попросила подругу отвезти. Стану я еще просто так людей в собственную машину подсаживать! Машина у меня отличная – двигатель недавно перебирал, и цвет замечательный – «фильдекос»!

Ирина от неожиданности чуть не фыркнула.

– По-моему, фильдекосовые бывают только чулки! – прошептала ей Катя. – И то сто лет назад их носили, во времена молодости наших бабушек!

– Молчи! – приказала Ирина, не разжимая губ. – Неудобно же!

Машина ехала уже в городе по Московскому проспекту.

– Вам вообще-то куда нужно? – спросил Сашка.

Ирина вовсе не собиралась ехать к Катьке – как-нибудь сами они с мужем разберутся. Но она перехватила в зеркале слишком заинтересованный взгляд Сашки и вспомнила, что в аэропорту он слишком сильно сжал ее в объятиях. По дороге они уже перебрали общих знакомых, так что теперь ей хотелось поскорее с одноклассником распрощаться. Она назвала Катин адрес и, не вдаваясь в подробности, сказала, что они очень торопятся.

Катерина молчала, она готовила себя к встрече с возвратившимся мужем и очень сильно нервничала.

Сашка высадил их на углу за два квартала, уж больно изрытый был асфальт в Катином переулке. На прощание он вытребовал у Ирины номер телефона и отбыл, присовокупив, что обязательно позвонит на днях.

Подруги выскочили из машины, и Ирина вздохнула с заметным облегчением. Фильдекосовая «девятка» умчалась в туманную даль, выпустив на прощание облако ядовитого выхлопа. Катя двинулась к подъезду и вдруг замерла на месте, как антилопа, сраженная меткой стрелой чернокожего охотника.

Перед ее подъездом стоял полицейский «уазик», в который заталкивали невысокого, загорелого до черноты человека, облаченного в выгоревшие полотняные шорты, перехваченные в талии поясом из шкуры неизвестного животного, и футболку цвета хаки с длинной надписью на загадочном языке. Человек был худ до крайности, в его растрепанных волосах красовалось перо попугая, лоб и щеки казались пятнистыми от солнечных ожогов. Поверх защитной футболки на его плечи был накинута кусок пятнистой шкуры.

– Валек! – завопила Катя, схватившись за сердце, и бросилась на выручку своему блудному мужу.

Профессор Кряквин, который до сих пор пассивно сопротивлялся сотрудникам полиции, за что уже получил пару затрещин, при виде жены удвоил усилия, и даже смог на какое-то время вырваться на свободу. Катерина налетела на него, как океанский шквал налетает на уютную лодку, обхватила тщедушного профессора, прижала к груди и покрывала поцелуями. На обгорелых и обветренных щеках Кряквина появились малиновые отпечатки помады.

– Валек! – всхлипывала Катя, разглядывая обретенного мужа. – Как же ты похудел! Как обгорел! Как зарос! А кто эти люди? – Она покосилась на растерявшихся сотрудников полиции и сделала шаг вперед, словно собираясь защитить от всего мира своего возвратившегося мужа.

Полицейские, лишившиеся арестанта, опомнились и кинулись следом за ним, на ходу вытаскивая табельное оружие.

– Вызывай подкрепление, Лампасов! – кричал один из них. – Задержанного сообщники отбивают!

– Сами справимся! – отвечал второй, совершая охватывающий маневр и изгибаясь к стрельбе.

– Какое сами! Тут целая банда!

– Стоять! Лежать! Вы окружены! – прокричал Лампасов, щелкая предохранителем. – Сопrotивление бесполезно!

– Что здесь происходит? – удивленно поинтересовалась Ирина. – Вы что, кино снимаете?

– Какое кино? – Полицейский покосился на нее, поправил фуражку, но все же затормозил и задумчиво опустил пистолет. – Происходит задержание опасного преступника!

– Это не преступник, – проговорила Катя, на мгновение выпустив профессора из рук. – Это мой муж Валек, он вернулся из Африки!

– Оч-чень интересно! – протянул второй полицейский, завершая окружение и перехватывая выпущенного Катериной преступника. – Значит, вы можете установить личность подозреваемого? А у вас самой документы имеются?

– А как же! – Катерина, всхлипывая, полезла в свою сумку, где, как назло, не оказалось никаких документов, кроме пропуска в бассейн спортивного общества «Буревестник» почему-то на фамилию Ташьян.

– Вот куда оказывается Жанкин пропуск подевался! – удивленно проговорила Катя, разглядывая зеленую книжечку.

– Значит, гражданка Ташьян, – начал полицейский, выхватив у нее пропуск. – Вы утверждаете, что подозреваемый является вашим мужем?

– Является, – кивнула Катя. – Только я вовсе не Ташьян, я Дронова... а Валек – Кряквин...

– Одну минуточку, – полицейский еще больше посуровел. – Гражданка Ташьян, она же Дронова, она же Кряквина... Не многовато ли у вас фамилий для честного человека? Придется проверить вас по нашей базе данных!

Ирина попыталась вмешаться, но в это время из подъезда выкатилась генеральша Недужная, на какое-то время утратившая контроль над интереснейшими событиями, чтобы убавить огонь под кипящим на плите борщом. Увидев Катерину, она радостно закричала:

– Вот, вот она только утром с покойницей ссорилась! Я свидетель! Я как раз в магазин шла, а она и говорит: «Топором тебя непременно зарублю! Уже и топор в магазине подходящий приобрела!» Так что это, наверняка, она и зарубила несчастную Ирину Сергеевну! – Генеральша громко высморкалась в клетчатый мужской платок, тем самым выразив сочувствие жертве преступления.

– Пойдите, свидетельница! – произнес один из полицейских, неодобрительно наморщив лоб. – Ведь вы не так давно заявляли, что застали на месте преступления вот этого гражданина...

– Застала, – подтвердила Недужная.

– А теперь говорите, что это она, гражданка Ташьян...

– Она не Ташьян! – возразила генеральша.

– Я не Ташьян! – вскрикнула Катя. – Я же вам сказала – Дронова я! Из восемнадцатой квартиры!

– Ой! – Генеральша Недужная всплеснула руками, уставившись на загорелого преступника. – Да ведь это же Кряквин, муж ее! Тоже из восемнадцатой квартиры! Здравсьте, Валентин Петрович! Как же я вас сразу-то не признала! Больно уж вы на лицо переменились!

Тут же она повернулась к служителям закона и заявила:

– Тогда все сходится! Катерина с покойницей поссорилась, а Валентин Петрович ее зарубил! Вот что Африка-то с людьми делает! А ведь был когда-то приличный человек, профессор!

– Одну минуточку, свидетельница! – строго оборвал Недужную полицейский Лампасов. – Вы, это, не спешите выводы делать! Выводы делать – это пре... при... рогатива следственных органов. А ваш гражданский долг, как свидетеля, в точности сообщить то, что вы своими глазами видели. Вы этого загорелого гражданина видели на месте преступления?

– Видела, – генеральша часто закивала.

– И орудие убийства видели в его руках?

– Так точно, – ответила генеральша по уставу.

– И происходило это в четырнадцать часов?

– В четырнадцать часов ноль шесть минут! – четко рапортовала генеральша, которую покойный муж приучил к армейской точности.

Сотрудники полиции переглянулись, и Лампасов кивнул:

– Приблизительно в это время и наступила смерть. Следователь вас на днях вызовет, чтобы запротоколировать ваши показания. И еще одно: вы можете подтвердить личность подозреваемого и этой гражданки?

– Могу, – генеральша почему-то понизила голос. – Это мой сосед Кряквин Валентин Петрович из восемнадцатой квартиры, хотя его внешность за последнее время сильно изменилась, а это жена его Катерина, с позволения сказать, Михайловна... Вот как Валентин Петрович на ней женился, так его словно подменили! Совсем другой человек стал! Потому что она – богема! На нормальное место работы не ходит, каждый день у нее гости, по ночам свет не знаю до которого часа горит... Никакого, в общем, порядка и дисциплины!

– Опять вы, свидетельница, это, выводы делаете! – огорчился Лампасов. – Но это ничего, следователь вас от этого отучит.

Полицейские развернули грустного профессора и повели его к своему транспортному средству. Профессор горестно повесил голову и прекратил активное сопротивление.

Катерина, осознав, что у нее окончательно и бесповоротно уведут только что возвращенного мужа, неожиданно бросилась наперерез полицейским и громко закричала:

– Он ни в чем не виноват! Отпустите его! Это не он, это я виновна, меня и арестовывайте!

– Как это – не он? – Лампасов несколько замедлил шаги и недоверчиво уставился на упорную женщину.

– Говорят же – это я ее убила! На почве сильной личной неприязни!

– Как же не он, когда у нас свидетель имеется? – Лампасов возобновил движение в сторону «уазика». – Попрошу вас, гражданочка, посторонитесь и не чините препятствий при исполнении! И имейте в виду, что за дачу ложных показаний полагается значительный срок!

Катя собралась было еще что-то сказать, но к ней подбежала Ирина и оттащила ее в сторону.

– Тоже мне, жена декабриста нашлась! – зашипела она на подругу. – Что это тебе в голову взбрело?

– Но они же уведут Ва-алека! – завывала Катерина, и из ее глаз брызнули крупные слезы.

– Так ты хочешь, чтобы они и тебя заодно прихватили?

– Какая ты черствая! Может быть, я хочу в этот трудный момент быть рядом с любимым человеком!

– Во-первых, рядом с ним тебя не посадят, у нас пока мужчин и женщин содержат в тюрьмах отдельно, – остудила ее пыл Ирина. – А во-вторых, на свободе ты сможешь принести своему Валеку гораздо больше пользы. Хотя бы передачи ему носить, адвоката нанять, а, может быть, мы с тобой и сами сможем доказать его невиновность... Ведь ты же не убивала Ирину Сергеевну?

– Как ты могла такое подумать! – От возмущения слезы на глазах Катерины высохли.

– Ну так и нечего брать на себя чужую вину! Лучше возьми себя в руки и попробуй думать логично.

– Я попро-обую, – без энтузиазма протянула Катя. – Только что мы с тобой на улице разговариваем? Поднимемся ко мне, хоть чайку выпьем!

Ирина подумала, что, если уж ее подруга заговорила о еде, значит, она понемногу приходит в себя. Взглянув на часы, она прикинула, что час свободного времени еще может выкроить, и пошла с Катей вверх по лестнице.

В прихожей стоял огромный, выдавший виды чемодан профессора. Увидев его, Катя снова собралась зарыдать. Ирина, чтобы не допустить этого, подхватила подругу под локоть и потащила ее на кухню. Наполнив чайник и нажав кнопку, она села напротив Катерины и строго проговорила:

– Не раскисай! Помни, от тебя сейчас зависит свобода твоего мужа!

– Он в ка-амере... – затынула Катя. – Среди уголо-овников! Они ему даже переоде-еться не дали, прямо в том, в чем он прилетел, повели!

– Сказано – не раскисай! – прикрикнула на нее подруга. – Лучше думай! Ты ведь видела соседку мертвой еще до того, как отправилась в аэропорт?

Катя глядела на нее совершенно стеклянными глазами и даже не пыталась взять себя в руки. Ирина вздохнула и открыла холодильник.

– Ну-ка, что тут у тебя есть?

Она достала упаковку сыра, намазала маслом кусок булки и протянула подруге бутерброд.

– Ветчинки сверху положи, – жалобно попросила Катя. Взгляд ее стал осмысленным, на что Ирина и рассчитывала.

– Но твои показания они скорее всего не примут в расчет, – задумчиво проговорила она, торопливо намазывая Кате второй бутерброд. – Скажут, что ты выгораживаешь мужа... Тем более что у них есть такой основательный свидетель, как генеральша...

– Послушай, – проговорила Катя с набитым ртом. – А что это Недужная говорила про время? Что она видела Валека в четырнадцать часов?

– В четырнадцать часов шесть минут, – машинально уточнила Ирина, и вдруг подскочила. – Катька, ты стала соображать!

– Я всегда говорила, что еда обостряет мои умственные способности! – скромно произнесла Катерина, проглатывая остатки первого бутерброда и незамедлительно приступая ко второму.

– Действительно, как она могла видеть его в шесть минут третьего, если самолет приземлился только без десяти три? Значит, их главный свидетель врет!

– Я всегда не любила генеральшу! – горячо воскликнула Катерина. – Вечно пристаёт со своими нравами!

– Ну, может быть, не врет, а просто путает, – слегка отступила Ирина, – например, часы у нее встали или еще что-нибудь в этом роде... Во всяком случае, ее свидетельство дает трещину!

– Точно! – Катерина вскочила из-за стола. – Едем сейчас же к следователю и все это ему расскажем!

Однако, когда подруги добрались до отделения полиции, строгая женщина в круглых очках сказала им, что рабочий день уже окончен, и никого, кроме оперативных дежурных, на месте нет, и вообще, гражданам не полагается проявлять инициативу в вопросах следствия, а нужно сидеть у себя дома, неукоснительно соблюдать законы и ждать, когда следователь сам вызовет их повесткой и задаст все необходимые вопросы.

Катя снова впала в истерику, и Ирине пришлось, махнув рукой на собственные дела, остаться у нее ночевать, чтобы помочь подруге справиться со свалившимися на нее несча-

ствиями. Единственное, что она сделала прежде – позвонила домой и попросила дочь погулять с кокером Яшей и накормить его.

Ночью ей приснился профессор Кряквин. Валентин Петрович переплывал Неву верхом на небольшом розовом слоне. Выбравшись на берег неподалеку от Эрмитажа, профессор развел на набережной костер и принялся танцевать вокруг него ритуальные африканские танцы. Мокрый слон стоял рядом, поворачиваясь к костру то одним боком, то другим. В это время к профессору подошла высокая худая старуха, похожая на хозяйственную бабушку с упаковки молока «Хуторок в степи». Старуха была облачена в парадный мундир маршала бронетанковых войск. Она строго взглянула на танцующего профессора и сурово заявила:

– Вы протекаете на мою воинскую часть и залили уже четыре танка и два тяжелых бронетранспортера! Моя бронетехника застрахована, но это не избавляет вас от ответственности! Немедленно высушите своего слона, или последствия будут катастрофическими!

Профессор пытался оправдываться, но старуха не хотела его слушать и грозила немедленно передать дело в международный трибунал в Гааге.

Ирина проснулась в холодном поту, взглянула на будильник и увидела, что уже десятый час утра. Она поднялась, приняла душ и сварила кофе. Однако попытки разбудить подругу не привели ни к чему, кроме донесшихся из-под одеяла возмущенных Катькиных воплей:

– Отстаньте все от меня, я уже сдала выпускной экзамен!

– Какой экзамен? – рявкнула Ирина. – Ты что – забыла? Нам нужно вызволять из заключения твоего мужа!

Катя отбросила одеяло и села в кровати, тараша в пространство сонные круглые глаза.

– Валек! – воскликнула она с глубоким чувством. – Бедный Валек, он сегодня ночевал на нарах! Нужно немедленно его выручать! А мне, понимаешь, приснилось, что я сдала в школе выпускной экзамен по литературе, а меня заставляют сдавать его еще раз! И такой ужасный билет попался: «Роль галош и полотенца в романе Островского «Как закалялась сталь»...

– Катька, если так будет продолжаться, тебе скоро придется идти к психиатру! – заявила Ирина, покачав головой. – Или хотя бы к психоаналитику! Вставай немедленно, нужно ехать в полицию!

Несмотря на все перенесенные невзгоды, Катерина сохранила свой неизменный аппетит и уплела на завтрак яичницу из трех яиц, пару аппетитных розовых сосисок, огромный бутерброд с сыром и ветчиной, слоеную булочку с шоколадом и полпачки песочного печенья. Оглядев стол и убедившись, что есть больше нечего, она вздохнула и принялась собираться в дорогу.

Однако подруги не успели выйти из дома.

Когда они уже стояли в прихожей, требовательно зазвонил дверной звонок.

– Ой! – вскрикнула Катя, схватившись за сердце. – Не открывай! У меня какое-то нехорошее предчувствие!

– Не дури, – отмахнулась Ирина, направляясь к двери. – Все самое плохое, что могло случиться, уже произошло!

– Не открывай! Я чувствую, это она! Прошу тебя, не открывай! – Катя схватила подругу за руку.

– Кто – она? – раздраженно осведомилась Ирина.

– Она... моя соседка... твоя тетка, Ирина Сергеевна!

– Катька, ну ты действительно чокнулась! Ведь ее вчера увезли в морг! Ты собственными глазами видела ее труп! – Ирина выглянула в глазок и громко спросила:

– Кто здесь?

– Дронова Екатерина Михайловна здесь проживает? – донесся из-за двери незнакомый, но крайне неприятный скрипучий голос.

Ирина взглядела в глазок и различила на лестничной площадке сердитую старуху с узлом туго стянутых седоватых волос.

– Почему это вы не открываете? – проскрипела старуха. – Я знаю, что вы дома! Мне срочно нужно с вами поговорить! Мне что – вернуться с участковым?

– Это она! – вскрикнула Катя, и за спиной Ирины раздался звук падения чего-то тяжелого и мягкого.

Ирина обернулась и увидела, что подруга без чувств лежит на холодном полу прихожей. Забыв про странную женщину за дверью, Ирина бросилась на помощь. Она принесла ковшик холодной воды, плеснула Кате в лицо, затем похлопала ее по щекам. Катя приоткрыла один глаз и простонала:

– Мне это показалось... Скажи мне, что это мне только показалось! Ну, пожалуйста, скажи, иначе я... не знаю, что со мной будет!

Ирина хотела успокоить подругу, но то, что она видела в глазок, вызывало у нее самой не слишком приятное чувство. Дверной звонок снова залился требовательной трелью.

– Не открывай! – повторила Катерина.

– Откройте, полиция! – раздался на этот раз хорошо поставленный мужской голос.

Ирина выпрямилась и неуверенно шагнула к двери.

– Откройте! – настойчиво повторил тот же самый мужской голос. – Я знаю, вы дома!

Ирина подошла к двери, с трудом преодолев мистический страх. Она уверила себя, что на дворе – двадцать первый век, а не темное средневековье, и никаких призраков в природе не существует. Не без опаски выглянув в глазок, она увидела полного усатого мужчину средних лет, протягивающего перед собой открытую книжечку удостоверения. Прочсть через глазок, что написано в удостоверении, не удалось, но Ирина справилась со своим страхом и все-таки открыла дверь.

На пороге стоял плотный человек лет пятидесяти в помятом светлом плаще. Лицо мужчины украшали аккуратно расчесанные усы, на концах загибающиеся кверху. День был жаркий, плащ явно не соответствовал погоде, и на лбу визитера выступили мелкие капельки пота. Ирина отметила про себя, что странный человек кого-то ей смутно напоминает.

– Екатерина Михайловна? – осведомился мужчина, слегка отступив назад и склонив голову к одному плечу.

Ирина тут же поняла, кого он ей напомнил: комиссар Коломбо из американского сериала! Этот мятый светлый плащ, этот прищур проницательных глаз... Только усы не вписывались в образ, казались лишними и неуместными на его широком одутловатом лице.

– Екатерина Михайловна? – повторил «Коломбо», снова раскрывая свое удостоверение. – Позвольте представиться, следователь Килькин, Василий Иванович. Веду, понимаете ли, следствие по делу вашего мужа...

– Вообще-то я не Екатерина Михайловна, – возразила Ирина. – Я ее подруга, моя фамилия Снегирева. А Екатерина Михайловна – вот... – она широким жестом указала на Катю, которая пыталась встать, опираясь на одного из многочисленных африканских божков.

– Ах вот как! – с легким смущением проговорил следователь и привычным жестом подкрутил кончики усов.

Ирина сообразила, откуда эти усы: они явно позаимствованы у Эркюля Пуаро, знаменитого сыщика из романов Агаты Кристи...

– Ах вот как! А почему она лежит в таком неудобном месте? – Сыщик приблизился к Кате.

Тут же с ним произошло что-то непонятное: на лице выступили малиновые пятна, руки задрожали, Василий Иванович попятился и неожиданно изменившимся голосом проговорил:

– Здра... здравствуйте, Екатерина Михайловна! Что с вами?

Он снова козликком подскочил к ней и наклонился, чтобы помочь подняться, но вместо этого задел африканский щит из кожи гиппопотама. Огромный щит с грохотом свалился

на пол. Василий Иванович еще больше покраснел. Катя тем временем поднялась на ноги без посторонней помощи и смотрела на странного посетителя, широко открыв глаза.

Василий Иванович снова попятился и странно замахал руками. Все эти манипуляции показались Ирине настолько подозрительными, что она протянула руку и попросила:

– Можно взглянуть на ваше удостоверение?

– Да-да, пожалуйста! – невнимательно ответил следователь, не сводя глаз с Кати, и подал Ирине свою служебную книжечку.

«Килькин Василий Иванович, – прочла Ирина, – старший следователь...»

Она пожалала плечами, несколько успокоившись.

– Костикова! – вдруг выкрикнул следователь куда-то в сторону лестницы.

В квартиру тотчас вбежала невысокая коренастая девушка в джинсах и кожаной куртке, с двумя крысиными хвостиками волос. Преданно глядя на следователя, девушка спросила:

– Василий Иванович, записывать?

При этом в ее руках возник маленький диктофон.

– Нет, Костикова, трубку!

Диктофон тотчас исчез, и вместо него в руках у девушки оказался красивый замшевый кисет. Следователь перевел дыхание, достал из кисета темную короткую трубку и спросил Катю:

– Вы позволите?

– Да-да, конечно, – растерянно разрешила Катя.

«Ага! – подумала Ирина. – Трубку курит! Еще и комиссар Мегре, все знаменитые сыщики в одном флаконе!»

Следователь раскурил трубку и несколько успокоился, однако по-прежнему не сводил глаз с Катерины.

Катя приблизилась к нему и взволнованным голосом спросила:

– А где... она?

– Кто она? – переспросил Василий Иванович заинтересованно.

– Дело в том... – попыталась объяснить Ирина, – что буквально за минуту до вашего звонка в квартиру позвонила... какая-то женщина, и Кате... Екатерине Михайловне показалось, что она... очень напоминает покойную... то есть пострадавшую... или как это у вас называют – потерпевшую... в общем, напоминает Ирину Сергеевну из четырнадцатой квартиры!

С трудом выговорив эти невозможные слова, Ирина неожиданно успокоилась. Произнесенные вслух, они показались настолько глупыми и невозможными, что сразу сделалось невозможным и само странное происшествие, Ирина сразу уверилась, что появление таинственной женщины было не более чем галлюцинацией. Правда, у них с Катей была одна галлюцинация на двоих, а это уже как-то странно... Кажется, коллективных галлюцинаций не бывает...

– Я не видел никакой женщины, – недовольно ответил следователь, не поворачиваясь к Ирине и по-прежнему уставившись на Катю. – А ты, Костикова, никого не заметила?

– Никого, Василий Иванович! – мгновенно отрапортовала девушка с хвостиками. – Уж раз даже вы не заметили...

– Конечно, конечно, – удовлетворенно проговорил следователь. – Мимо меня муха не пролетит, таракан не проскочит... Это я так спросил, на всякий случай... Вот, кстати, запиши!

В руках Костиковой тут же появился диктофон, и следователь хорошо поставленным голосом произнес:

– Тщательный осмотр места преступления – это основа всякого качественного расследования!

– Как это точно! – едва слышно прошептала Костикова, поднося диктофон поближе к своему шефу.

– Вот именно поэтому, – закончил Василий Иванович, подняв палец. – Именно поэтому я всегда лично осматриваюсь на месте, не полагаясь на донесения оперативных работников!

Он вытащил изо рта трубку и, взмахнув ею, как лектор указкой, широким жестом обвел прихожую, увешанную африканскими редкостями:

– Например, увидев все эти предметы, ежедневно окружавшие нашего главного подозреваемого, я могу гораздо лучше представить себе его внутренний мир, проникнуть, так сказать, под его черепную коробку... Исключительно в переносном, разумеется, смысле, а не в том прямом, в каком он проник под черепную коробку потерпевшей...

– Как это тонко! – восторженно воскликнула Костикова и вдруг разочарованно добавила: – Василий Иванович, вы не могли бы повторить последнюю фразу? Для истории, для потомков... а то у меня кассета закончилась!

– Ну, если для потомков! – снисходительно улыбнулся следователь.

Он снова взмахнул рукой с зажатой в ней трубкой, при этом задел ритуальную маску шамана племени моси. Маска с грохотом свалилась на сигнальный барабан ватусси, тот покачнулся и упал Кате на ногу.

– Екатерина Михайловна! – испуганно воскликнул следователь и бросился к Кате. – Вы не ушиблись? Какая ты неловкая, Костикова, – попенял он своей ни в чем не повинной помощнице, убедившись, что Катя не пострадала. – Ты могла нанести увечье такой женщине, такой необыкновенной женщине! Екатерина Михайловна, вы точно не пострадали?

Еще раз удостоверившись, что Катерина в полном порядке, он вернулся на прежнее место и продолжил:

– Итак, увидев все эти опасные, я не побоюсь этого слова – смертоносные предметы, я понял подоплеку вчерашнего преступления.

Следователь сделал паузу, подкрутил кончики усов и продолжил:

– Подозреваемый, – обратите внимание, я не сомневаюсь в его виновности, но в соответствии с буквой закона он для меня все еще только подозреваемый, – так вот, подозреваемый каждый день видит вокруг себя все эти ужасные вещи, эти орудия и инструменты смерти, и понемногу мысль об убийстве проникает в его сознание... Известно ведь, что если в первом действии спектакля на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно выстрелит! А если в первом действии этого спектакля на стене висел остро отточенный топор, то в последнем действии он и опустился на голову несчастной, ни в чем не повинной жертвы!

Костикова заплодировала, при этом едва не выронив диктофон, что вызвало недовольный взгляд шефа.

– Но ведь тот топор не висел на стене, – напомнила следователю Ирина. – Валентин Петрович только вчера привез его из Африки!

– Это неважно, – отмахнулся следователь, по-прежнему глядя только на Катю. – Это образ, метафора...

– Образное выражение, – произнесла Костикова, недовольно поглядев на Ирину, которая посмела прервать речь ее обожаемого шефа.

– Я не имел в виду этот конкретный топор, – продолжил тот, окинув взглядом экзотическое убранство прихожей. – Я имел в виду все эти топоры, копья и прочие орудия убийства...

– Это вовсе не орудия убийства, – робко вставила реплику Катя. – Это африканские народные изделия, образцы прикладного искусства... Результаты этнографических экспедиций...

– Я понимаю, Екатерина Михайловна, ваше естественное желание защитить близкого человека, – мягким, воркующим голосом ответил ей Василий Иванович. – Я очень хорошо понимаю и даже преклоняюсь... но я хочу открыть вам глаза! Он недостойн вас, он преступник, правонарушитель! И уверяю вас, очень близко находится другой человек, который способен высоко оценить ваши многочисленные достоинства!

– Он не преступник! – горячо воскликнула Катя. – Он достоин! И он ни в чем не виноват!
– Катька! – удивленно прошептала Ирина на ухо подруге. – Кажется, следователь в тебя влюбился! Влюбился с первого взгляда!

– Да, иди ты, – отмахнулась Катерина, но немедленно залилась румянцем.

– А что, – начала Ирина, чтобы заполнить неловкую паузу. – Уже установлено, что пострадавшая... то есть потерпевшая, убита именно этим топором?

– Результаты экспертизы еще не готовы, – ответил Василий Иванович с некоторым смущением. – Но они будут готовы в самое ближайшее время. И я в них несколько не сомневаюсь. Конечно, техника, поставленная на службу следствия, очень важна, но еще важнее маленькие серые клеточки! – Он выразительно постучал себя пальцем по темени.

– Да, вот еще что, – продолжила Ирина, не собираясь сдаваться. – Кажется, время убийства установлено?

– Достаточно точно, – гордо сообщил Василий Иванович, – по словам осмотревшего труп медицинского эксперта, смерть наступила не ранее тринадцати часов двадцати минут, а свидетельница застала подозреваемого над трупом в четырнадцать часов шесть минут. Так что все вписывается в эти рамки, ошибка не может превышать сорока шести минут...

– Но тогда все в порядке! – радостно воскликнула Ирина. – Валентин Петрович... подозреваемый невиновен!

– Валек не виноват! – поддержала подругу Катя.

– Почему вы так думаете? – настороженно спросил следователь, внимательно оглядев подруг.

– Да потому, – ответила Ирина, как более уравновешенная и здравомыслящая, – что в это время профессор Кряквин еще был в самолете! Его самолет приземлился только в четырнадцать часов пятьдесят минут! Мы это знаем точно, потому что были вчера в аэропорту! Ваша замечательная свидетельница ошибается, и надо еще выяснить, в чем причина этой ошибки, и не причастна ли она сама или ее близкие к вчерашнему убийству!

Ирина замолчала, чрезвычайно довольная своим эффектным выступлением, особенно его концовкой. Она посмотрела на следователя, чтобы оценить, какое впечатление на него произвели ее слова.

Его лицо Ирине не понравилось.

Следователь усмехался.

– Вы вчера были в аэропорту? – переспросил он.

– Да, – подтвердила Ирина без прежнего энтузиазма.

– Встречали Валентина Петровича?

– Ну да!

– И как – встретили?

– Нет, – тихо ответила Ирина, чувствуя, как почва уходит у нее из-под ног.

– И неудивительно, – проговорил следователь. – Потому что профессора Кряквина на борту этого самолета не было.

– Как – не было? – едва выговорила Ирина пересохшим от волнения ртом.

– Как – не было? – повторила за ней Катя с совершенно другой интонацией, не предвещающей ничего хорошего.

– Простите, Екатерина Михайловна, что вынужден огорчить вас, – следователь снова обращался только к Кате. – Но мы, естественно, выяснили, был ли Валентин Петрович Кряквин среди пассажиров вчерашнего рейса «Марсель – Петербург». Я знаю, что многие люди без должного уважения относятся к работникам следствия, недооценивают наши способности и профессионализм...

– Недооценивают! – подхватила Костикова, молитвенно сложив руки и глядя на шефа, как на высшее божество.

– Но тем не менее мы стараемся делать все, что в наших силах! – продолжил Василий Иванович и для верности ударил трубкой по африканскому барабану. Барабан ответил ему долгим гулким звуком.

– Так вот, Валентина Петровича не было среди пассажиров вчерашнего рейса! – повторил следователь, как бы забивая еще один гвоздь в крышку гроба, в котором он хоронил Катину счастливую, хотя и непродолжительную, семейную жизнь. – Валентин Петрович прилетел в Санкт-Петербург днем раньше, позавчера! Это достоверно установлено по документам авиакомпании.

– Как – позавчера? – растерянно переспросила Ирина.

– Как – позавчера? – повторила за ней Катя с совершенно другой интонацией. – Где же он был все это время?

– К сожалению, нам это пока неизвестно, – с оттенком легкой горечи ответил Василий Иванович. – Ваш супруг не отвечает на этот вопрос, замыкается в себе и не идет на контакт со следствием...

– Дайте мне свидание! – воскликнула Катерина не своим голосом. – *Мне* он на этот вопрос ответит! Пусть только попробует не ответить! – Ее глаза загорелись не знакомым, не характерным для добродушной Кати огнем.

– К сожалению, пока не могу, – с грустным вздохом ответил следователь. – Для вас, Екатерина Михайловна, я готов сделать все, что угодно... кроме нарушения должностной инструкции. На начальном этапе следствия свидания с родными и близкими не разрешаются. В целях сохранения информации.

– Какой информации? – осведомилась разочарованная Катерина.

– Следственной, – лаконично ответил ей Василий Иванович и повернулся к своей ассистентке: – Пойдем, Костикова! Я осмотрел место, где сформировалась личность подозреваемого, и составил для себя его психологический портрет! Теперь осталось только подключить маленькие серые клеточки!

– Привет собаке! – крикнула Ирина в спину следователю.

– Собаке? – Василий Иванович остановился и удивленно оглянулся на нее. – Какой собаке?

– Разве у вас нет собаки? – с невинным видом проговорила Ирина. – Породы бассет-хаунд!

– Нет у меня никакой собаки! – ответил Килькин с неожиданной обидой.

Когда за колоритным следователем захлопнулась дверь, подруги ошеломленно поглядели друг на друга.

– Что это было? – в полном изнеможении спросила Катя. – Что он сказал?

– Что твой муж Валентин Петрович Кряквин прилетел в Санкт-Петербург вовсе не вчера, как сообщил тебе в телеграмме. – Ирина пожала плечами.

– И ты веришь этому человеку? – вскричала Катя.

– Слушай, не начинай сначала, а? – отмахнулась Ирина. – Знаешь, как ни странно, но я ему верю. Не стала бы полиция врать. И их никто обманывать не станет. Это же информация из компьютера, сколько продано билетов, сколько летело пассажиров именно на этом рейсе. Все точно, как в аптеке. Раз сообщают, что профессор твой прилетел не вчера, а позавчера – значит, так оно и есть.

– Ужас какой! – Катерина закрыла лицо руками. – Я уверена, что, если бы мне дали поговорить с Валеком, то все бы разъяснилось.

– Но ведь сказали же тебе – не положено пока свидание! – Ирина против воли повысила голос.

Она была ужасно сердита. У Катьки вечно все шиворот-навыворот. Вот и теперь – мужа нормально встретить не могла! Вместо того, чтобы наводить красоту – ей вздумалось с соседкой ругаться. Топором еще грозилась, Раскольникову вспоминала! Конечно, это преувеличение, ей ли не знать Катерину, она и мухи не способна обидеть, но генеральша-то Недужная все слышала. И не только сделала неправильные выводы, но и успела познакомиться с этими выводами сотрудников полиции. А им много не надо, есть подозреваемый, так хватай его – и в кутузку!

Но профессор тоже хорош, тут же опомнилась Ирина. Мало того, что наврал Катьке насчет времени своего приезда, хотя тут возможна путаница. Ну, разминулся с женой, так езжай себе домой, там свидитесь! Но вот какого черта его потянуло в чужую квартиру? Зачем он остановился на четвертом этаже и зашел в открытую дверь? Или у них в Африке так принято – вторгаться в чужое жилище, когда тебя не приглашают? И наконец, когда он увидел, что в прихожей лежит мертвая женщина, почему сразу не вызвал полицию, а стал хватать ее, прыгать вокруг и петь дурным голосом ужасные песни? Нет, поняла Ирина, у профессора Кряквина там, в Африке, поехала крыша из пальмовых листьев. На вид он кажется совершенно невменяемым, и в полиции не станут слушать его оправданий.

– Слушай, Катька! – озарило ее. – Мы же забыли про адвоката!

– Какого еще адвоката? – агрессивно возразила Катя. – Ты считаешь, что Валек в чем-то виновен? Зачем ему адвокат, его же скоро выпустят!

– Не дури! – прикрикнула Ирина, набирая номер Жанны. – Адвокат поговорит с твоим мужем и все выяснит. Это с родными и близкими не дают свиданий, а с адвокатом обязаны дать!

Жанна была занята, говорила сухо, сказала, что сама им перезвонит, когда освободится.

– Так я и знала, – надулась Катя, – подруга называется. Когда нужно, ее не допросишься!

Ирина поняла, что Катька дошла до такого состояния, когда очень себя жалко, и даже хочется, чтобы другие тебя обижали, можно позволить себе страдать в свое удовольствие. Никаких разумных доводов человек в таком состоянии не приемлет, так что Ирина решила не обращать на нее внимания.

Она позвонила домой, узнала, что с Наташкой и кокером все в порядке, и решила малость прибраться в Катькиной квартире. В прихожей жутко натоптали, кого там только не было за вчерашний и за сегодняшний день! Ирина развесила по стенам все африканские маски, расставила копья, которых было в квартире профессора огромное множество, резных африканских божков, а когда наклонилась с веником, то больно ушибла бок о чемодан. Чемодан профессора Кряквина был большой, сильно потертый и ужасно тяжелый.

«Интересно, где профессор болтался целые сутки с этим тяжеленным чемоданом?» – подумала Ирина.

Катерине надоело страдать в одиночестве, и она притащилась в прихожую, чтобы узнать, чем это Ирина тут занимается.

– Давай пока разберем вещи твоего мужа! – предложила Ирина с тайной мыслью, что, открыв чемодан, они могут узнать о профессоре кое-что интересное.

Катя оживилась. Чемодан открыли без труда – ключи профессор оставил на столике под зеркалом. Чемодан был просто набит разными диковинными вещами. Сверху лежал запактованный сверток, и когда нетерпеливая Катерина развернула его, то оказалось, что там кости. Кости напоминали человеческие, были очень белые и хорошо сохранившиеся.

– Вот это, кажется, рука... – протянула Ирина, – а вот это ребра... Интересно, зачем они профессору? Ну да ладно, он сам разберется.

– Кстати, – проговорила Катя, задумчиво разглядывая загадочные кости, – что ты такое говорила следователю про какую-то собаку? С чего ты взяла, что у него есть бассет?

– Ну как же, – Ирина усмехнулась. – Он ведь изображает комиссара Коломбо, а у того был замечательный бассет, так что я считала, что Килькин себе тоже завел такого же пса!

Катя пожала плечами и снова склонилась над чемоданом.

Далее из него были извлечены по очереди: два широких ножа с костяными рукоятками, красивый нагрудник из разноцветных кусочков кожи неизвестного животного, осколок каменной плиты с сохранившимися письменами, две статуэтки черного дерева, изображающие мужчину и женщину, плеть из буйволового кожи и резная шкатулка, инкрустированная перламутром.

Завидев каждый предмет, Катерина радостно вскрикивала, что это Валек привез для нее подарок, но каждый раз ее поджидало разочарование. При виде шкатулки она гордо поглядела на Ирину и сказала, что уж это-то точно для нее, но когда шкатулку открыли, она оказалась заполненной каким-то подозрительным бурым порошком, который так вонял, что Ирина тут же зажала нос рукой, но все равно глаза слезились и хотелось чихать без перерыва. Катя поскорее захлопнула шкатулку и совсем расстроилась.

Ирина пожала плечами и склонилась над чемоданом. Были там несколько толстых тетрадей с записями и рабочими дневниками, в самом углу притулился пакет с грязным бельем. Еще было кое-что, завернутое во французскую газету. Катя нехотя развернула это что-то, она не ждала уже никаких подарков. И оказалась права, потому что в газете оказалась завернута огромная челюсть. Подруги удивленно переглянулись. Катька машинально примерила челюсть к себе.

– У человека не может быть такой огромной челюсти, – поняла Ирина. – Интересно, где твой профессор ее взял?

– Ай, да какая разница, – Катя махнула рукой и выронила челюсть на пол. Она наклонилась поднять, и челюсть вдруг, как живая, шелкнула зубами и чуть не укусила ее за палец.

– Да оставь ты ее в покое! – раздраженно крикнула Ирина.

Катя с большой осторожностью запихнула челюсть обратно в чемодан. Ирина пошарила в боковом кармашке и вытащила тоненькую папочку с документами. Какая-то бумага с гербовой печатью на совершенно непонятном языке, рядом приложен французский перевод. И куча билетов на самолет, по которым можно было изучать географию. Профессор из столицы африканского государства летел на перекладных. Последний рейс был «Марсель – Санкт-Петербург».

– И что характерно, таких билетов тут два, – заметила Ирина, – на одном написано «Кряквин», а на другом... фамилия-то женская...

Катя вырвала из ее рук билет, чуть не разорвав его пополам.

– Что это такое? Тот же рейс, то же время, прибытие позавчера, то есть они летели одним рейсом? Мой Валек и какая-то...

– Нурмуралиева Забейда, – с удивившим саму себя злорадством сказала Ирина и добавила строго: – Только не вздумай падать в обморок!

– С чего это вдруг? – возмутилась Катерина. – Не дождутся они все!

Ирина поглядела на подругу с опаской – а ну как это истерика, и сейчас Катька упадет на пол и забьется в припадке? Но нет, глядит сердито, щеки пылают, глаза сверкают, настроена по-боевому.

– Значит, вот оно как, – постепенно накаляясь, произнесла Катерина, – значит, я его жду тут, как последняя дура, целых полтора года, ни на кого не смотрю, терплю насмешки и издевательства от его соседей – одна генеральша чего стоит – а он в это время там в Африке... Я волнуюсь, ночей не сплю, ах, мой Валек, как он там, не съели ли его тигры...

– Тигры в Африке не водятся, – вставила Ирина.

– Это совершенно не важно! – закричала Катя в полный голос. – Важно, что мой муж оказался обманщиком!

– Тише ты, хватит уже скандалов! – шикнула Ирина. – Опять соседи возникать будут!
– А мне плевать на них на всех! – Катя закусила удила. – Я тут мучаюсь, а он с какой-то Нур... Мур...

– Ну подожди, может, это совсем не то, – увещевала Ирина, – зачем же твой муж тогда билеты хранил, выбросил бы, чтобы ты не видела...

– Эх ты! – насмешливо протянула Катя. – Да ему же отчитываться на своей кафедре! Это же документы... За билеты-то деньги оплачены...

Тут раздался телефонный звонок, и Жанна сообщила, что с адвокатом договорилась, и даже сама поручила ему добраться до Каткиного мужа, узнать, в чем его обвиняют, и встретиться с ним в тюрьме.

– Вот видишь, как все удачно! – обрадовалась Ирина. – Адвокат узнает, кто такая эта Забейда, и все нам расскажет...

– Ты что – издеваешься надо мной? – прошипела Катерина рассерженной королевской коброй. – Ты серьезно полагаешь, что я стану позориться перед адвокатом? Чтобы он надо мной смеялся? Муж мне изменяет, а я стану с ним отношения через адвоката выяснять!

– Ну, насчет измены я бы не стала делать скоропалительных выводов, – заикнулась было Ирина, но Катка затопала на нее ногами и замахала руками, и замотала головой так сильно, что Ирина даже испугалась.

– Молчи! – кричала Катя. – Слушать ничего не хочу про этого человека!

– Ну, знаешь! – возмутилась Ирина. – Позволь тебе напомнить, что обвиняют твоего мужа не в измене, а в убийстве. А в этом преступлении он точно не виноват. Ты не справедлива к нему.

– А чего он... – Катя всхлипнула.

– Я уверена, это просто недоразумение, и при вашей встрече все выяснится, – мягко сказала Ирина.

– Когда она теперь будет – эта наша встреча? – пригорюнилась Катя, и слезы появились в ее круглых глазах.

– Ну вот, опять двадцать пять! – воскликнула Ирина. – Сколько же можно – то плакать, то ругаться! Нужно действовать!

– А что ты предлагаешь? – осведомилась Катя, и Ирина, обманутая ее спокойным тоном, сказала, что хорошо бы узнать, кто такая эта Забейда Нурмуралиева, добраться до нее и поинтересоваться, отчего это профессор скрывает тот факт, что он прилетел на день раньше в ее обществе?

– Что? – заорала тут же Катерина. – Чтобы я так унижалась? Ну, от тебя я такого не ожидала!

Она еще долго бы распространялась на эту тему, но заметила, что Ирина надела босоножки и схватилась за сумку.

– Все! – решительно заявила Ирина. – Я ухожу! У меня полно собственных дел и забот, а ты живи, как знаешь, раз ничьих советов не слушаешь!

Она взялась за ручку двери, но тут в прихожей послышались какие-то подозрительные звуки. Ирина с Катей застыли, прислушиваясь, и поняли, что звуки доносятся из квартиры этажом ниже. Там двигали мебель. Глаза у Катки чуть не выскочили из орбит, она вцепилась в Ирину.

– Ирка, не уходи! – взмолилась она. – Пожалуйста, не бросай меня, я умру от страха! Это она!

– Ну что ты... – Ирина пыталась разжать Катины руки, но не тут-то было, – ну что ты такое выдумала, ты прекрасно знаешь, там в квартире никого не может быть!

– А кто же тогда шумит и грохочет? – напомнила Катя.

– Ну, приехали родственники... Невестка, наверное, мало ли ей взять что-то нужно!

– А зачем мебель двигать? Да, там столько мебели нет! И потом, Ирка, мы же ее видели, Ирину Сергеевну...

– Тебе показалось, – неуверенно пробормотала Ирина, – и потом, ты же сама вчера нашла ее мертвой... Я не верю в оживших мертвецов, уж, как хочешь...

– Ой, не могу, меня прямо в жар бросило! – Катя прошла в комнату и рванула балконную дверь.

Балкон у Кати, как и во многих старых домах, был небольшой, одно название, да еще насовано там было много разного хлама. В свое время Катерина не успела спросить у своего мужа, что можно, а что нельзя оттуда выбросить, а потом просто забыла про балкон. Так что сейчас подруги едва уместились на свободном пространстве.

– Слушай, у меня, наверное, давление повысилось! – возбужденно проговорила Катя. – Кровь стучит в висках, и так жарко...

– Да успокойся ты! – отмахнулась Ирина. – Сейчас на ветерочке лучше станет.

Действительно, погода на улице была отличная. Лето полностью вступило уже в свои права, мягкое северное солнышко пригревало весьма ощутимо. На соседнем балконе пламенела цветущая герань и расцветали оранжевые настурции. Ирина ревниво смотрела на герань – у нее на балконе она отчего-то росла плохо, цвели только петунья и бархатцы.

Катя прижала руки к сердцу и только было успокоилась, как снизу раздался скрипучий голос:

– Он говорил мне: «Будь ты моею, и стану жить я, страстью сгорая...»

Катерина в ужасе застыла с раскрытым ртом. С лица ее мгновенно сошла краснота, теперь его покрывала нездоровая синюшная бледность. Ирина испугалась, что у Катьки и вправду скачет давление, и как бы не хватил ее инсульт. Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!

– Она! – прохрипела Катя, показывая рукой вниз. – Точно это она, Ирина Сергеевна, это ее любимый романс! Не делай вид, что не слышишь!

Не расслышать было трудно. С балкона нижней квартиры неслось бодрое:

– Прелесть улыбки, нега во взоре мне обещают радости ра-ая!

Прежде, чем Ирина успела возразить, Катя, рискуя сверзиться вниз, перевесилась с балкона, стараясь разглядеть, что там происходит внизу. Ирина еле-еле успела ее подхватить.

– Катька, ты что – хочешь покончить жизнь самоубийством? Вот генеральша Недужная обрадуется! Она решит, что тебя совесть заела!

– А ты держи меня крепче! – прошипела Катерина.

– Да у тебя верхняя часть перевешивает!

– Да? – нахмурилась Катя. – А Жанка считает, что у меня слишком тяжелая именно нижняя часть, и даже называет ее пьедесталом. Или постаментом...

– Ну, не знаю, у меня рук не хватает твою нижнюю часть обхватить! – буркнула Ирина.

– А ты держи за ноги!

– А они слишком короткие! – брякнула Ирина и прикусила язык, но было уже поздно.

– Ах, вот как? – протянула Катя и заморгала часто-часто. – У меня и так горе – мужа арестовали, а ты норовишь мелкую гадость сказать...

От ссоры их отвлекло пение снизу:

– Бедному сердцу так говорил он, бедному сердцу так говорил он, но не любил он, нет, не любил он...

– Нет, это точно она, – вздохнула Катя. – Больше некому...

Ирина решительно перегнулась через перила и вытянула шею. Она увидела на нижнем балконе рассохшиеся ящики с прошлогодней землей, которые остались, надо полагать, от прежних жильцов Мурзикиных. Кроме того, на балконе еще были составлены пыльные стеклянные банки, пустые горшки, эмалированное ведро и резиновая груша. Ирина увидела еще руки, которые, несомненно, принадлежали старухе. Руки эти аккуратно собирали старье и

складывали его в большой пластиковый мешок. В общем-то, ничего особенного неизвестная женщина не делала – просто занималась уборкой. Но это пение... Катька, конечно, очень нервная, легковозбудимая личность, но все же не законченная психопатка. Да, Ирина и сама утром видела в глазок старуху, удивительно похожую на ту, из рекламы молочных продуктов «Хуторок в степи», а ведь Катя утверждала, что та – копия ее убитой соседки Ирины Сергеевны.

«Что же это делается? – мысленно возмутилась Ирина. – Катькино помешательство заразительно?»

Она свесилась еще ниже и увидела седой туго стянутый пучок волос, очки в круглой металлической оправе и халат в мелкий зеленый цветочек. Внезапно закружилась голова, и Ирина разогнулась.

– Черт знает что! – прошептала она. – Вроде и вправду это твоя соседка. Но быть такого не может! Я не верю в возвращение живых трупов! Такое бывает только в американских фильмах! И потом, для трупа у нее вид слишком свежий – лицо, конечно, довольно старое, но нормального цвета, никаких тебе цветов побегалости, в зелень не отдает...

– Ирка, мне плохо, – Катя сама позеленела не хуже трупа, – если она не труп, значит, она – призрак Ирины Сергеевны!

– Признаки не поют романсов! – неуверенно возразила Ирина.

В доказательство ее правоты снизу раздавалось:

– Нет, не любил он меня-я!

– Ужас какой! – Катя села прямо на бетонный пол балкона. – Она теперь будет меня всю жизнь преследовать!

– Не сиди на полу, простудишься! – Ирина пыталась поднять Катьку и подсунуть под нее старую табуретку.

Это удалось с третьего раза, но табуретка оказалась сломанной или же просто не выдержала Катиного веса. Одна ножка подломилась, Катька шлепнулась на пол, а ножка вывалилась с балкона чуть не на голову генеральше Недужной, которая шла из магазина и несла полные сумки продуктов.

Прошли те благословенные времена, когда продукты привозил на дом шофер генерала Недужного Алеша. Прошли те времена, когда ремонтировать квартиру или дачу приходило отделение солдатиков во главе с бравым старшиной, а генеральша только покрикивала на них изредка – для порядка. Теперь редко звонил телефон в генеральской квартире, неблагодарные сослуживцы понемногу забывали генерала. Поэтому генеральша Недужная очень не любила ходить в магазины. Вот и сейчас, у нее было отвратительное настроение, и пролетевшая ножка от табуретки настроения этого, понятное дело, никак не улучшила.

– Безобразие! – привычно начала накаляться генеральша и подняла голову.

Ирину с Катей, как ветром, сдуло с балкона.

– О господи, теперь она скажет, что я ее тоже убить хотела! – сокрушалась Катя, осторожно выглядывая из окна.

Генеральша подняла голову и, надо думать, заметила на балконе четвертого этажа Ирину Сергеевну или ее призрак. Она ахнула и выпустила из рук сумки. В одной что-то звякнуло и разбилось.

– Сметана, наверное, – злорадно сказала Катя, – так ей и надо, не будет против моего мужа свидетельствовать.

Генеральша Недужная на ощупь нашла свои сумки и бросилась к подъезду.

– Вот видишь, – сказала Катя, – она тоже увидела Ирину Сергеевну, значит, мы с тобой не сумасшедшие.

– Да уж, вашей генеральше никогда ничего не мерещится, не такой она человек, – согласилась Ирина.

– Ирка, я так больше не могу! – серьезно сказала Катя. – Это слишком много для одного человека. Сама посуди: сначала видишь мертвую старуху, потом оказывается, что подозревают твоего мужа в ее смерти. Затем его арестовывают и оказывается, что он меня обманывает и прилетел с незнакомой женщиной на день раньше, чем мне сообщил. А теперь еще и призрак Ирины Сергеевны поет на балконе... Ирка, если я еще не сбрендилa, то это просто чудо!

Если бы Катя плакала и ругалась, Ирина не стала бы обращать внимания на ее жалобы. Но Катя была почти спокойна, и Ирина решила, что нужно принимать экстренные меры.

– Едем сейчас же ко мне! – твердо сказала она. – Там никакой призрак тебя не достанет. Пускай старуха себе поет на балконе, может, генеральшу Недужную малость приструнит.

Пока подруга собирала вещи, Ирина снова позвонила домой. Наташка сказала, что убегает по своим делам, в доме совершенно нет еды, и что днем с Яшей она погулять не успевает.

Ирина расстроилась – она плохая мать и никудышная хозяйка кокера, дети отвратительно питаются, собака толком не гуляет...

Наташка еще недовольно добавила, что вчера весь вечер и сегодня с утра звонил какой-то крайне малоприятный мужской голос и требовал то Ирину, то Иришу, то Ирочку. А сам не представился и был очень недоволен, когда выяснил, что Ирина не ночевала дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.